

[Polaris]

Георгий
ПЕСКОВ



ЗЛАЯ
ВЕЧНОСТЬ

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXIV



Salamandra P.V.V.

**Георгий
ПЕСКОВ**

ЗЛАЯ ВЕЧНОСТЬ

(Мировая трагедия)

Повесть, рецензии, биографические
материалы

Salamandra P.V.V.

Песков Г. (Дейша Е. А.)

Злая вечность (Мировая трагедия): Повесть, рецензии, биографические материалы – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 100 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХХIV).

Любовь к кукле-вампиру, беседы об Атлантиде и Гондване, нападение бородатой ведьмы, «путь змия», бессмертие и способы вытравления души – в повести Г. Пескова (Е. Дейши) «Злая вечность», одном из самых необычайных произведений русской «фантастики странного». Повесть, созданная писательницей в эмиграции в начале 1930-х гг., переиздается впервые. В приложениях – рецензии П. Пильского, Г. Адамовича и И. Голенищева-Кутузова, а также биографические материалы.

ЗЛАЯ ВЕЧНОСТЬ

(Мировая трагедия)

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Аксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLVIII

1932
ПАРИЖЪ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудность взятой мною на себя задачи принуждает сказать несколько объяснительных слов. Спешу оправдаться: ни заглавие, ни громкий подзаголовок мне не принадлежат. Чтобы снять с себя за них ответственность и сразу же все объяснить, следовало бы, кажется, начать с конца. Но начинать с конца неудобно вообще, мировую же трагедию особенно. Поэтому попрошу немножечко терпения. Попрошу тоже верить, что описанные события, как бы странны они ни показались, не являются ни вымыслом, ни фантазией. Напротив, все они — реальнейшие факты, заимствованные мною из одного чрезвычайно любопытного документа. Было бы, может быть, очень интересно опубликовать самый документ: убедительность событий и яркость картин от этого, несомненно, выиграли бы, тем более, что текст документа богато иллюстрирован рисунками с натуры. По редакционно-техническим соображениям это, однако же, невозможно. Приходится предложить читателю «Мировую трагедию» в том виде, как она представилась мне после тщательного изучения всего относящегося сюда документального материала. Повторяю, впрочем: тема сложна и обширна. Заранее прошу о снисхождении.

1.

Вещий Олег

В городе его сначала принимали за англичанина: был он худой, высокий; имел манеры человека хорошо воспитанного.

А потом оказалось, что он соотечественник всех этих работающих на заводе маневрами *anciens officiers*. Соседки только руками развели: «*Personne n'aurait dit ça*».

Имя его было Олег Александрович. Он носил громкую фамилию, которая, однако, трудно произносилась, а потому его за глаза называли просто *monsieur Oleg*, хотя его хозяйка *madame Meterry veuve* и уверяла, что он князь.

Он был немного странный, этот *monsieur Oleg*. Никто, даже сама *madame Meterry*, не знала, откуда он взялся, на какие средства существует и почему живет в этом городишке, тогда как ему, как князю, гораздо приличнее было бы жить в Париже или в Ницце. *Madame Meterry veuve* это, впрочем, не особенно удивляло: во-первых, для Парижа нужны деньги, которых у *monsieur Oleg*, видимо, нет, ну а, во-вторых, почему бы знатному иностранцу не выбрать своей резиденцией ее родного города, о котором она с такой гордостью отзывалась: «*Ah, ici on sait bien ce qui est chic!*»

Madame Meterry veuve и сама хорошо понимала, «*ce qui est chic*», хотя была всего только прачкой: князь ей очень нравился. Ей жалко было видеть, что у человека *si bien né* все рубашки и кальсоны рваные. Да и костюм тоже до крайности поношен. «А все-таки сидит он на нем лучше, чем на другом дорогой и новый», — утешала она себя.

Князь, несмотря на свои годы, действительно мог еще нравиться, пожалуй, и не одной *madame Meterry*. За наружностью своей он следил, не из щегольства, а по привычке порядочного человека. Щеки тщательно брил, красиво подстригал бородку, аккуратно посещая для этого парикмахерскую месье Жоржа. Самым привлекательным в князе были

его глаза: прекрасные, темно-синие, не совсем даже шедшие к немолодому изможденному лицу. Соответствовали внешности и манеры. Вежливость князя, вообще несколько старомодная, в отношении к женщинам приобретала оттенок рыцарства: когда *madame Meterry*, на реке, стоя на колеях, терла и била на доске белье, а князь проходил мимо, он всегда снимал свою мягкую шляпу и приветствовал старую прачку, как маркизу.

Водились за ним кое-какие странности. Он был застенчив, постоянно, как мальчик, краснел. Рассеянность же его доходила до смешного: часто не мог найти дома, в котором жил, по несколько раз проходил мимо, не узнавая; никогда не помнил ни числа, ни даже месяца; а когда случалось отправлять письмо, что, впрочем, бывало редко, то спрашивал *madame Meterry*, сколько марок наклеивать и где почтовый ящик.

Князь вел жизнь замкнутую. Не говоря уже о женщинах — их он как будто даже боялся — но и с *anciens officiers* знакомства не водил, хотя и раскланивался.

Однажды он встретил эту компанию в кафе *du père Boittot*. Молодые люди пригласили его выпить вместе: они праздновали в этот день какую-то батальную годовщину. Князь не почел удобным отказать, подсел к ним и высидел весь вечер. Он всячески старался войти в неинтересный для него разговор и долго расспрашивал одного из них, очень на вид добродушного и вялого парня, который, к удивлению князя, оказался пулеметчиком.

— Неужто вы в самом деле из пулемета стреляли, — спрашивал князь. — А я даже не знаю хорошенько, что это за штука и как она действует.

— Хитрость небольшая, — флегматически ответил пулеметчик. — Вот, берешь таким образом и ведешь, — он поставил перед собой сжатые кулаки, большими пальцами кверху, и начал медленно вести их слева направо. — Чик, чик, чик. Вот и все.

— А там люди падают? — удивился князь. — И видно это? Ну, а вы что же? Ничего?

— Ничего, — очевидно, не поняв и думая, что князь удивляется его храбрости, ответил пулеметчик.

Товарищи засмеялись: не на ответ, конечно, а на наивность князя.

Потом разговор перешел на более игривые темы. Один из присутствующих, которого почему-то называли «худосочным», хотя он был атлетически сложен, рассказал такое, что князь сделался багровым. Он очень страдал. Чтобы переменить разговор, он начал рассказывать о найденной им в городской библиотеке интереснейшей старой книге. Книга написана в двадцатых годах прошлого века и, несмотря на это, автор, умный и образованный, по-видимому, человек, с совершенно ясной логикой, вполне серьезно доказывает существование *des farfadets*, т. е. колдунов.

Говоря об этой книге, князь увлекся и даже не заметил, что его слушают с насмешкой.

— М-да! вообще и в частности... ерунда порядочная, — заметил худосочный.

— Нет, почему же? — мягко возразил князь. — Ведь вы не станете же, однако, отрицать, что кругом нас творится множество таинственного и необъяснимого. Вот хотя бы сны... Что такое сон? Какова его природа? Шпенглер называет сон родным братом смерти. А сама смерть?.. Ила хотя бы явления телепатии, никем теперь уже не отрицаемые, гипноз... Нет, что там ни говорите, господа, а рационализм бессилен объяснить все это. Он потерпел полный крах.

Спорить с князем о крахе рационализма охотников не нашлось. Да и надоел он им всем порядочно. Только пулеметчик поддержал «ученый» разговор, сказав, что в прошлом году зашел было в библиотеку, но что книги там все старые и неинтересные.

— А что это, кажется, про библиотекареву дочку так много разговора было? — спросил кто-то.

— О, тоже пикантная история! — вскричал худосочный.

— Вранье, — вяло заметил пулеметчик.

— Ничего не вранье.

— Что такое? — поинтересовался князь.

— А, и вы до пикантных историй охотник!

Князь начал отнекиваться: он спросил, собственно, потому, что знает этого библиотекаря.

— Как не так! Небось, глаза разгорелись, — подшучивал худосочный. — Извольте, расскажу. Дело было так. Послал, понимаете, этот библиотекарь, с великого ума, свою дочку в Париж учиться. Ну, хорошенькой девочке в Париже спуска не дадут. Да у ней и у самой, видно, не учение на уме было. Папаша узнал, — туда. Прикатил, глядь, — а дочка при смерти. Какой то доктор, приятель ее, операцию ей сделал, будто бы эстетическую. Ну, и угробил. А кто говорит, что она сама, от любви к доктору, отравилась, и будто вовсе не эстетическую операцию, а аборт ей сделали.

— Ничего подобного, — перебил пулеметчик. — Омоложивал он ее, говорят, какими-то собственного изготовления вытяжками.

— Погоди!.. Верно, верно! — как бы даже обрадовался поправке «худосочный». — Я тоже про эти вытяжки слышал. Он, кажется, целую диссертацию о них написал. Словом, шарлатан невообразимый.

В течение этого разговора князь чувствовал большую неловкость. Библиотекаря он знал, часто с ним беседовал, имел даже основание особенно им интересоваться. То, что он, хотя и невольно, услышал семейную тайну этого человека, его в высшей степени взволновало.

— Теперь это забылось, — окончив рассказ, заметил «худосочный». — Теперь главный разговор о вас, князь.

Князь смутился.

— Обо мне? — пробормотал он. — Что же они могут говорить обо мне?

— Да мало ли что? Что вы миллионер. Что у вас золотые прииски в Калифорнии.

— В Калифорнии? — наивно удивился князь.

— Что, не в Калифорнии разве? А ведь — чем черт не шутит — может, вы и действительно миллионер? Ухитряетесь же жить, ничего, кажется, не делая.

Князя покорило. Но, не желая обидеть, он очень вежливо стал объяснять, что помогает ему муж сестры, инженер, а что сам он пробовал поступать маневром, но что его

каждый раз выгоняли. Потом он встал и начал прощаться.

— Куда вы? — удерживая его, сказал «худосочный». — Не гнушайтесь нашей компанией, «мудрый Олег».

Князь стал уверять, что ни в коем случае не гнушается, что, напротив, он очень приятно провел время, но что теперь ему пора. Прозвище «Мудрый Олег», которое сейчас же было подхвачено другими и переделано в «Вещий Олег», князю не понравилось: он не любил фамильярности. Однако, и вида не показал. А кличка так за ним и осталась. Даже *madame Meterry* кто-то из *anciens officiers* сообщил, что квартиранта ее зовут «*Oleg le prêcheur*» и что он умеет предсказывать будущее. Но *madame Meterry* была дама достаточно просвещенная, чтобы не верить à toutes ces betises-la. За князя она заступилась, сказав, что он *homme sérieux*: не приводит в комнату женщин и аккуратно платит.

Рассказывая об этом князю, она, между прочим, решила спросить его:

— *Est-ce vrai, monsieur, que vous êtes prince?*

И тут он с застенчивой улыбкой признался ей, что он, действительно, князь, и что предки его служили еще Ивану Грозному.

— *Le tsar Iwan le Terrible!* — с почтительным удивлением повторяла *madame Meterry*: это имя она читала на афишах синема.

На другое утро знатное происхождение месть Олега стало известно всем собравшимся на реке прачкам, а также посетителям кафе *Boittot*. С этих пор *monsieur Oleg* обратился в *monsieur le prince*, а *les anciens officiers* пустили слух, будто *madame Meterry veuve* очень не прочь сделаться *madame la princesse*. Да и князь, кажется, неравнодушен.

2.

Второе зрение

Князь долго, иногда часами, бродил по узким улицам старого города. Он смотрел, радуясь, что может видеть. Ведь так недавно еще были вокруг него потемки. Был хаос. Врачи говорили, что он болен. Но они ничего не понимали: это была тьма над бездной. Изредка — скупое — падал в его ночь какой-то тусклый свет. Не дневной, не солнечный. Тот, может быть, который был в первый день. И рождал призраки. Но этот город уже не был призраком. Горбатый мост над рекой, крытые переходы между домами, старые стены с деревянными балками в кирпичной кладке, коротконогий святой в епископской шляпе, окаменелый в глубине своей ниши — все это было на самом деле, существовало как подлинная реальность. Только зрение князя теперь изменилось. Вернее, он приобрел второе зрение, вторую пару глаз, которая, как стереоскоп, углубляя перспективу, делала картину мира менее плоской. При помощи этого оптического прибора князь видел теперь, что ключом к пониманию города был собор. Как выходец с того света, поднимался над крутыми черепитчатыми крышами его посеревший остов. Мертвец не хотел считать себя побежденным: он хватал живого.

С тяжелым чувством вступал князь под сумрачные его своды. Пахло вековым тлением. Цветные стекла узких окон бросали к ногам Святой Девы лиловые и желтые коврики света. Маленькие, горбатые старушонки, тяжело, с перевалкой ступая по истертым плитам, притаскивали Ей свое убогое горе, останавливались перед Ее алтарем и долго, неслышно шевеля губами, выклиничивали маленькое чудо. Прибитые по стенам мраморные дощечки с высеченным на них наивным словом «*merci*» служили напоминанием о других, теперь давно уже умерших старухах, которые точно так же приходили сюда, чтобы просить и плакать.

Да, старухи... Их было очень много в этом задущенном собором городе. И доживали они до глубокой дряхлости. Князь встречал одну, которая сзади казалась обезглавленной, так низко, под прямым углом к телу, была опущена ее трясущаяся голова. Иные едва брели, согнутые пополам, высохшие, с механически жующими провалившимися ртами и испуганно-слезливым взглядом.

Глядя на них, князь вспоминал, что в Париже он ни разу не видел ни одной старухи. Казалось, что те купили или украли у э т и х всю их молодость. И тут ему пришло в голову... Калек ведь он тоже не встречал в Париже. Говорили, правда, об одном, будто он *mutilé de guerre*, и будто обе ноги у него искусственные. Но невозможно было поверить этому, глядя, как легко и быстро он на этих ногах ходил. О, он тщательно скрывал свое уродство. Здесь же... здесь было невероятно много калек вполне откровенных. На одной улице *St.-Pélérin*, на которой князь жил, их было четверо. Одного парализованного, очень тучного и злого, катали в кресле, другой сам себя возил на трехколесном ручном велосипеде: у него были отрезаны обе ноги. Третий — сапожник — подплясывал на вывернутых внутрь ступнях. Наконец, у четвертого — почтальона — пустой рукав его форменной тужурки был всунут в карман. Однажды видел князь и «короля калек», как он его называл. Этот шел на двух, заменявших ему ноги, костылях, а единственной рукой опирался на третий.

Старухи, калеки... это еще можно было понять. Это было связано с собором, служило в свою очередь ему объяснением. Но кошки... Впрочем, напрягая свое второе зрение до боли, он начинал понимать и кошек. Их было множество здесь. Самых различных. От белых, спокойных, голубоглазых, постоянно облизывающихся розовым языком до совершенно черных, без отметины или с белым пятном на груди, смотревших, как из-под черной полумаски, загадочными глазами. И от этих зеленых, светлых глаз казалось, что кошка изнутри стеклянная или сделана из прозрачного зеленого камня.

К кошкам у князя было странное отвращение, нечто вроде идиосинкразии. Он вообще не любил и как-то побаивался всяких животных, даже самых безвредных. Боялся не того, что они укусят его или причинят какой-нибудь вред, а чувствуя в них, как сам он себе признавался, «некую неразрешимую проблему». В кошках «проблема» достигала особенной остроты. В кошках и в собаках. И на беду, их везде такое множество. Даже в Париже. Никаких других животных: все они как будто боятся этого страшного города. Только человек и его «друзья», его «домашние» чувствуют себя в нем как дома. Собака — друг человека, — с усмешкой говорил себе князь. — Друга чаще всего водят на цепи или в наморднике. И какую некрасивую, унижительную, подленькую роль разыгрывает этот «друг». Его считают поганым. Если он забежит в алтарь, — алтарь надо святить. А болезненная привязанность, гнусная любовь, которую испытывают к собакам многие женщины. Все это имеет, конечно, глубокие, забытые нами причины, — думал князь. Во всяком случае, этот «друг человека», которого он держит в таком приближении, очень подозрителен. Кошки тоже. Ведь и они сумели втереться в интимную жизнь человека. Они имеют способность незаметно присутствовать. Их не видно, но они всегда тут. Когда-то они враждовали с собаками. Это вошло в поговорку. Теперь прекрасно уживаются. Заключили, может быть, союз, который не обещает ничего хорошего.

О, князь ведь понимал, что перед лицом человеческой мудрости все это было безумием. Но он уже не боялся человеческой мудрости, не хотел ее. Мир, тот, какой был раньше, рушился. Пускай падает, пускай разбивается до последнего камня. Тьма над бездной чревата. Она родит. Надо с бесстрашием ждать.

3.

Начало романа

Что в мире не все благополучно — об этом князь догадался еще там, в Париже. Он выздоравливал тогда. Мог уже гулять один. В душный летний вечер, изнемогая от безотчетной тоски и спутанности мыслей, которые все еще не оставляли его, брел он среди чужой и страшной толпы по улице Lafayette. Кругом были лица. Много лиц. Преимущественно женских. Резко впивались в его мозг безволосые черно и тонко проведенные брови... синяя тень у внешнего угла глаза... колющие ресницы... алое сердце на том месте, где должен быть рот... Устав глядеть на лица, он опустил глаза и тогда увидел мелькание ног. Женских ног в туфлях на высоком каблуке и в розовых облегающих чулках.

«Отчего это ноги у них у всех такие похожие?..» — с тоской подумал князь. И опять перевел глаза на мелькание лиц. «Лица тоже похожие...» И вдруг ему показалось... — Впрочем, длилось это всего секунду — ему показалось, что кругом движутся не люди. Конечно, в известном смысле их можно было назвать людьми. Но только в известном. Чего-то в них явно не хватало. Самого, может быть, существенного Того именно, чего всегда недостает в точно выполненной копии гениальной картины. Это были как бы механические люди, «роботы», о которых он читал в газетах. И вот, когда ему показалось это — тут-то глаза его и упали на освещенную витрину магазина. Там, среди яркой пестроты подушек, сидела прелестная маленькая женщина. Ростом она была не больше грудного ребенка. Три пушистых золотых локона — один надо лбом, два других около ушей — окружали нежное личико. Сильно декольтированный бюст выходил из складок широкой юбки. Она была бы обыкновенной диванной куклой, если бы не продолговатые, удлиненные синей тенью, косо, мимо князя смотревшие гла-

за. Совершенно живые между двумя неправдоподобными взмахами нарисованных ресниц.

Сначала князя просто поразило, что эта маленькая женщина одна, среди более или менее удачных подобий людей, была подлинно живой. Он стал в нее вглядываться. Такого лица ему никогда не случалось видеть. Несмотря на внешнюю красоту, оно отталкивало. Пугало каким-то внутренним, очень хорошо и тщательно спрятанным безобразием. И чем дальше он смотрел в это лицо, тем яснее становилось, что в нем, именно в этом, спрятанном за его красотой, уродстве была разгадка всему: его ночным кошмарам, тоске, которая его давила, монмартрским кабакам, дансингам, джазу, ужасам последней войны, большевикам, бессмысленной смерти его жены и маленького сына, словом, всему, что своей пугающей нелепостью сводило его с ума.

И еще он понял, что кукла, хотя и живет, но не собственной, а чужой, таинственным образом заимствованной жизнью. «Она кого-то высосала, как вампир», — подумал он, с содроганием глядя на ее кровавый чувственный рот.

Он не помнил, как отошел от витрины, как вернулся домой. Там он больше не видел ее. Он уехал. В сущности, теперь для него было ясно, что именно от нее-то он и бежал, хотя тогда ему казалось, что он бежит от мигающих огней световых реклам и от призрачно скользящих автомобилей. Но здесь — и этого князь, как ни старался, объяснить себе не мог — здесь, выйдя с вокзала, в первой же витрине первого попавшегося ему магазина, он опять увидел ее. Он не мог быть обманут случайным сходством. Это точно была она. Ее глаза и рот он узнал бы из тысячи. Трудно сказать, что именно он при этом ощутил. Может быть, даже радость: ту последнюю радость, которая, наверно, бывает у самоубийц. «Ну что ж? Значит, судьба!» — сказал он почти вслух. Он принял эту встречу как неизбежное. Он сразу почувствовал, что кукла... Нет, не кукла, но та чужая жизнь, которую она в себе носила, вошла в него, сделалась частью его собственной жизни.

Каждый день ходил он к витрине, — это была антикварная лавка — почти всегда останавливался и долго смотрел. Раз вечером он стоял перед витриной, пока из лавки не вышел человек с деревянным ставнем и, сказав ему: «*Pardon, monsieur!*», не заставил им витрину.

Но в князе, несмотря на установившийся необычайный ход мыслей, оставалось все-таки ясное сознание того, что все это «со стороны» могло показаться очень странным. Пожалуй, даже смешным. Минутами он совершенно трезво анализировал свои ощущения. Иллюзия того вечера, когда, среди автоматов улицы *Lafayette*, она одна была для него реально живой, не повторялась. Нет, она — диванная кукла. Только и всего. Он твердо знал это. Особенно когда, стоя перед витриной, на нее смотрел. Но разве предметы не имеют, подобно живым существам, свою душу? Разве не очевидна их — иногда непреодолимая — власть над людьми? Идол могущественнее того, кто ему поклоняется. Иконы обладают силой чудотворения. Не только первобытные народы, но и народы древних цивилизаций обоготворяют неодушевленные предметы: деревья, камни, старые постройки, черепа. И почему, наконец, могли бы войти во всеобщее употребление автомобильные фетиши, если бы в них не заключалась какая то, предохраняющая от катастроф, сверхъестественная сила. В этой кукле, — говорил себе князь, — несомненно, заключены колдовские чары фетиша. Я пытался уйти из-под ее власти и не мог. Стало быть, она — сильнее. А теперь я и не хочу бежать, я люблю свой плен.

Но дома... дома, когда он не видел ее, он думал о ней иначе. Она теряла для него образ куклы. Начинала жить вампирической, высосанной у другого жизнью. Становилась реальной женщиной. И как женщину, реально, плотики он любил и желал ее. Он придумывал для нее тысячи нежных ласкательных слов, сочинял о ней стихи. Наконец начал писать дневник, состоявший, собственно, из ряда влюбленных писем. Под каждым числом было обращение: «Моя желанная, здравствуй» или «Я опять хочу побеседовать с тобой, дорогая». В этих письмах он подводил ито-

ги кропотливой работы, которой он себя посвятил и которая состояла в собирании мозаичной картины нового мира. Ее фрагментами было все, что он видел и слышал, все окружающее. О содержании картины в целом он едва ли догадывался. Знал только, что размеры ее грандиозны и, работая, находился в непрестанном изумлении перед возникающим. Чтобы все записать, приходилось торопиться. Иной раз рука не поспевала за стремительностью мысли, вместо букв и слов на бумаге появлялись странные знаки, которые он сам навряд ли смог бы прочесть. Но князь не замечал этого: ему некогда было перечитывать. Он изнемогал под бременем вновь и вновь накапливавшихся мыслей.

4.

О предметах неодушевленных

Последнее время князь начал избегать витрину антикварной лавки. Слишком реальностью вошла в его жизнь любимая женщина, страшно казалось опять увидеть грубо символизирующую ее диванную куклу.

Но мечта о ней была всегда с ним. Ночью он писал ей свой дневник, являющийся одновременно складываемой по кусочкам картиной мира. Дни шли на собирание материала. У него лежала уже огромная куча вырезок из газет, иностранных и русских. Тут были криминальные истории трупов в чемоданах, любовные похождения звезд мюзик-холлов, сообщения об опытах омолаживания животных и спаривания человека с обезьяной, всевозможные катастрофы, землетрясения, бури, ураганы, самоубийства и несчастные случаи, какой-нибудь провал министерства большинством трех голосов, интервью с мисс Европой (о том, какой шоколад она предпочитает или какой губной помадой пользуется), боксерские и шахматные состязания

и корреспонденция о вновь открытых «лучах смерти», могущих истребить в одну секунду население земного шара до последнего человека. Все это классифицировалось князем, разносилось по рубрикам, снабжалось иногда длиннейшими комментариями.

Не менее ценный материал находил для себя князь в городском музее. Трудно сказать, чего именно это был музей. В нем, без всякого плана, были собраны всевозможные предметы. Князь часто заходил туда. Ему именно нравилась совершенная бесцельность и несообразное нагромождение этого, по большей части, очень ветхого хлама.

Музейные вещи, как и сообщения газет, не имели между собой видимой связи, но тем упорнее искал в них князь нужную ему связь внутреннюю. Чего только тут не было! Были статуи святых, такие же, как на соборе, с лицами плоскими, иногда совершенно безносыми, иногда как бы изрытыми оспой. Были безголовые. Было множество отдельно лежащих рук и ног. Казалось, будто наполнявшие город калеки приносили сюда свои отрезанные члены и они, с течением времени, здесь окаменевали.

Были в музее и картины, портреты: дамы в робронах, с локонами над ушами; мрачные как убийцы короли и герцоги в коротких панталонах буфами, в шляпах с перьями; наконец, и просто ничем на вид не замечательные господа с крохотной красной ленточкой в петлице черных фраков.

Одну из этих картин князь полюбил особенно. Иногда он подолгу сидел перед ней на бархатном диванчике, странно усмехался и бормотал: «Превосходно! прямо-таки превосходно!»

Картина изображала банкет. Впрочем, присутствовали на нем, почему-то, одни мужчины. Все они были отлично одеты в военные мундиры и фраки. Каждый держал в руке по бокалу шампанского. Все эти элегантные господа улыбались. Но что это была за улыбка! Как очевидно, как глупо все они устали. Устали говорить и слушать речи, чокаться... устали улыбаться. Невыразимая мертвенность была в этом увековеченном веселье. Сначала князь объяснял такое впечатление тем, что в настоящее время все эти гос-

пода — господин префект, господин мэр, господа члены муниципального совета и другие, имена которых были выгравированы на медной пластинке — наверно, уже покоились на городском кладбище: картина была помечена 1891 годом. Он раздумался над тем, что, стало быть, с течением времени портреты, как и живые люди, меняются. Но потом догадался, что дело не только в этом. Все вещи, все картины этого странного музея походили на предметы, собранные на столе вещественных доказательств: безмолвно свидетельствовали они о некогда совершавшейся трагедии.

Только в качестве вещественных доказательств имели, например, смысл эти собранные в отдельный зал чучела экзотических птиц, рыболовные принадлежности доисторического человека, которые тоже занимали довольно обширную комнату. Нелепость внешняя скрывала глубокий внутренний смысл. Особый запах — запах плесени, пыли, истлевающих в сундуках старых платьев, необитаемых домов — волновал князя предчувствием этого внутреннего смысла.

Никто не заходил сюда, никто не мешал. Да и кому, кроме выжившего из ума и погруженного в оккультизм русского князя, могла, в самом деле, прийти охота любоваться мумиями, чучелами пеликанов и портретами давно умерших господ членов муниципального совета?

5.

Библиотекарь

Библиотека — она помещалась в одном здании с музеем — была обширный зал в форме неправильного многоугольника. На высоких, до потолка доходивших полках тускло поблескивали позолотой старые, наполовину истлевшие под своими кожаными переплетами книги. В сере-

диве зала стоял длинный, покрытый зеленым сукном стол, обставленный тяжелыми стульями с высокими и прямыми спинками. На одном из них, возле жарко натопленной чугунной печки, сидел библиотекарь. Остальные были пусты. Эта парадная комната со множеством старых книг, зеленое сукно и в строгом порядке расставленные стулья странно действовали на князя каждый раз, когда он входил. Ему казалось, что здесь назначено очень важное заседание какого-то тайного общества. Председатель, придя первым, ожидает остальных членов. Сейчас они войдут и рассядутся. Князь испытывал смущение: он понимал неуместность и даже невозможность своего здесь присутствия. Но председатель, как бы желая ободрить, оживленно и громко отвечал на его поклон:

— *Bonjour, monsieur!*

Князь, не без робости, подходил к столу.

Лицом он был похож на хамелеона, этот библиотекарь. Зеленоватый оттенок морщинистой кожи; непомерно широкий рот с бескровными узкими губами. Выпуклые глаза, от круглых очков в черепаховой оправе, казались огромными. Но самой поразительной особенностью в наружности библиотекаря был — его язык. Язык у него был чрезвычайно тонкий и увертливый. Во время разговора он то и дело мгновенным, совсем неуловимым движением, высунув его, облизывал себе губы. Так делает ящерица, когда ловит насекомое. Глянцевитая лысина во всю голову, покрытая на макушке черной шелковой шапочкой, и длинная черная блуза-пальто придавали его фигуре некоторое сходство с католическим священником.

С первой же встречи князь почувствовал, что библиотекарь почему-то им заинтересовался. Показалось даже, что, ища сближения с ним, тот имеет какие-то особые виды. Шевельнулось любопытство. Сам он испытывал в присутствии библиотекаря несколько беспокойное чувство, которое он сначала не умел себе объяснить. Это, однако же, не мешало князю находить свое новое знакомство чрезвычайно интересным. Завязалось оно следующим образом. На

вопрос князя, не имеется ли в библиотеке книг по оккультизму, библиотекарь экспансивно воскликнул:

— С тех пор, как я сижу здесь, никто ни разу не спрашивал у меня этих книг. Эта любопытная отрасль знания теперь почти забыта. Официальная наука ее осмеивает.

Он повел князя в смежную комнату и показал шкаф, битком набитый старыми книгами. Тут были и спиритические и оккультные сочинения, руководства по черной и белой магии, сборники заклинаний и сонники. Князь с увлечением начал рыться в этих сокровищах. Библиотекарь, когда бывал свободен, приходил помогать ему.

Однажды они разговорились о заинтересовавшем князя изыскании «*sur les farfadets*». Князь с удовольствием убедился, что библиотекарь вполне разделяет взгляды католического автора на колдунов.

— Совершенно не подлежит сомнению, — сказал он между прочим, — что существуют люди, находящиеся в сношениях с так называемыми темными силами, заключающие с ними пакт и получающие в награду известную сверхъестественную власть. Чтобы ни говорили об этом наши господа рационалисты — это факт, отрицать который, наконец, просто смешно.

— Вы думаете? — заинтересовался князь.

— Я это знаю, — с особенным ударением ответил библиотекарь.

— Неужто? Вам случалось?... О, пожалуйста, расскажите! — вскричал князь.

Библиотекарь отвел глаза.

— Это длинная история, — сказал он уклончиво. — Когда-нибудь потом.

В другой раз, по ничтожному поводу, с какого-то замечания о погоде, опять завязался интересный для князя разговор, но на совершенно иную тему. Князь обратил внимание собеседника на то, что вот уже в течение целого ряда лет климат как будто меняется. Зимы становятся суровыми, лета то нестерпимо знойными, то непомерно дождливыми. Поражает большое количество гроз и бурь. Даже в формах облаков заметна почти пугающая причудливость,

объясняемая, вероятно, сильными ветрами. Вообще с природой творится что-то неладное.

На это библиотекарь ответил, что метеорологические данные, действительно, подтверждают факт повсеместного в Европе изменения климата. Последнее десятилетие обнаружено новое наступательное движение ледников, годовые амплитуды температур стали больше. Что же касается бурь, ураганов, наводнений, вулканических извержений и землетрясений, то размеры всех этих природных бедствий должны бы наводить на самые серьезные размышления.

Князь заинтересовался. Ведь уж давно, читая газеты, отмечал он те явления, о которых говорил теперь библиотекарь.

— На какого же рода размышления? — спросил он.

Библиотекарь поглядел на него своими странными глазами, как бы стараясь что-то в нем рассмотреть.

— Размышления вот какие, — сказал он, сняв свои большие круглые очки, причем князя поразила почти коническая выпуклость его глаз. — Изволите ли вы, смею спросить, быть хотя бы отчасти знакомым с историей нашей планеты?

Князь ответил, что знаком мало, но что прошлое земли его чрезвычайно интересует.

6.

Гондвана

Библиотекарь немного помолчал. Повернувшись к печке, он взял кочережку и шевелил уголья.

— А о Гондване не приходилось вам слышать? — спросил он, не глядя на князя и как будто весь поглощенный своим делом.

— О чем? — переспросил князь.

— О Гондване.

— Нет, ничего не знаю. Что это такое? — Слово «Гондвана», музыкальное и певучее, поразило князя какой-то заключенной в нем тайной.

— Исчезнувший материк, — сказал библиотекарь.

— Так стало быть, действительно существовал такой материк? — вскричал князь, что-то смутно слышавший об Атлантиде.

— И даже не один. Таких некогда существовавших и потом поглощенных морем материков было три. Они занимали пространства трех современных океанов: Атлантического, Индийского и Великого.

— Это было, конечно, в то время, когда человека на земле не существовало?

— Напротив. Материки эти знали высокие цивилизации. Мы имеем об этом свидетельство Платона. В своем Тимее и затем в Критии он описывает быт и нравы обитателей Атлантиды.

— Каким же образом были эти материки поглощены океаном?

Библиотекарь потер руки: это было его обычным жестом перед тем, как начать рассказывать.

— В этом-то и весь вопрос. Вопрос, над которым ломают себе головы ученые. Надо вам сказать, что в геологии существуют две гипотезы. — О, не пугайтесь, — прибавил он, усмехнувшись, — я в двух словах. Притом же это доступно десятилетнему ребенку. Две гипотезы. Одна — более старая, в 19-ом веке совсем заброшенная, даже осмеянная — теория внезапных геологических переворотов, теория катастроф. По этой гипотезе, периоды относительного затишья внезапно сменялись на нашей планете периодами бурными, когда дремавшие до тех пор подземные силы вдруг начинали проявлять свое страшное, разрушительное действие. В эти периоды поднимались новые горные цепи, начинали извергаться вулканы, земля, содрогаясь, рождала новые материки, а старые мгновенно гибли, проваливаясь в морскую пучину. Периодически наступающими катастрофами эта теория объясняла, между прочим, прерывистость

в развитии органического мира: гибли прежние формы жизни, новые условия создавали новые формы...

Библиотекарь, говоривший с увлечением и очень быстро, вдруг остановился. Обычным своим движением ящерицы он облизал губы.

— Теория, которую я сейчас имел честь вкратце сообщить вам, — начал он насмешливо-торжественным тоном, — это теория старая, теперь, как я уже сказал, оставленная. Новая же теория, принятая официальной наукой 19-го века, гласит, что в мире все, слава Богу, идет медленно. Потихоньку. Попыхивают вулканы, изменяются очертания морских берегов: в одних местах материки — медленно и на протяжении человеческой жизни незаметно — опускаются. В других — так же медленно поднимаются. Землетрясения тоже время от времени беспокоят человечество в разных местах земного шара, но потом, разрушив всего несколько деревень или городов, стихают. Вот вам и вторая теория. По этой теории, стало быть, выходит, что природа, вообще говоря, пайныка, если иной раз и дурит, то не очень. История земли сплошная эволюция, без всяких эксцессов. Ну? что вы скажете? Какая из двух кажется вам более заслуживающей доверия?

Князь смутился.

— Я недостаточно сведущ, чтобы судить, — сказал он. — Однако... однако, если говорить правду, мне больше нравится первая. Я был в Альпах, на Кавказе... Когда смотришь на это безумное нагромождение гор, на этот каменный бред, то отказываешься верить, что не было чудовищной, не поддающейся воображению катастрофы!

— Bravo! — вскричал библиотекарь. — У вас правильный нюх, если позволено будет мне так выразиться. Правильный нюх, *monsieur*, в науке стоит какой хотите учености. И без него она — ноль. Я знал на своем веку доцентов и докторов вот с такими трудами и никогда, ни разу в ученые их головы не пришла эта самая простая мысль, которую вы сейчас высказали. Да, в судорогах боли, в корчах, со скрежетом зубов рождала земля свои новые формы, а не постепенно. Вы сами, князь, нашли ответ на интересовав-

ший вас вопрос: древние материки погибли в результате ужасающих мировых катастроф. Притом, заметьте, катастроф периодически повторяющихся, грозящих нашей планете и в будущем. Чтобы закончить наш сегодняшний разговор и заинтересовать вас в его продолжении, прибавлю следующее: есть основания думать, что мы в настоящий момент находимся накануне такой мировой катастрофы.

7.

Она исчезла

Беспокойное чувство, которое библиотекарь возбудил в князе при начале их знакомства, с каждым их разговором все обострялось. Это было ощущение какой-то связанности, отсутствия свободы, потери или, во всяком случае, ущерба собственной воли, подчиненность чужой, которое вызывало одновременно и тревогу и жуткое наслаждение. В присутствии библиотекаря весь строй мыслей князя менялся. Но даже не разговаривая с ним, не видя его, он никогда уже вполне из-под власти его не выходил. Часто и много думал он о том, что тот ему говорил, об этих странных пророчествах, которые так созвучали его собственным тревожным, хотя и неясным ожиданиям.

Через несколько дней после разговора о мировых катастрофах, библиотекарь пригласил князя к себе вечером, после ужина, выпить чашку кофе.

Князь поблагодарил, сказал, что очень рад, спросил только, не стеснит ли.

— Вы... один живете?

— Один. Теперь один, — ответил библиотекарь. Князь вспомнил то, что он слышал о загадочной смерти его дочери. — Я даже прислуги не держу, — прибавил тот. — По

утрам ходит ко мне старуха. Уберет все и уйдет. Так спокойнее. Мы будем одни и прекрасно побеседуем. Я вас жду.

В этот день случилось с князем очень поразившее его происшествие. С неделю не был он у витрины антикварной лавки. Но тут почувствовал, что должен идти. С куклой — он знал — что-то случилось. Он не ошибся. На витрине ее не было. В своем волнении князь даже не заметил тонкой, похожей на Вольтера, стариковской рожи, следившей за ним из-за пожелтевшей гравюры. Он, верно, простоял бы так до вечера, если бы тот же, похожий на Вольтера старик, высунувшись из двери, любезно и заискивающе не спросил его, не угодно ли *monsieur* купить какую-нибудь *antiquité*? Вопрос еще больше испугал князя. Он пробормотал что-то непонятное и почти побежал прочь. По выставившемуся вперед подбородку, любопытным глазам и как бы вынюхивающему носу этого антиквария, князь понял, что он уже давно за ним следит, знает причину его постоянных посещений и теперь в душе над ним смеется. Особенно не понравилось ему в старике его поразительное сходство с Вольтером. Вольтера князь терпеть не мог, говоря, что с легкой руки этого пошляка человечество целый век только и делало, что зубоскалило.

«А может быть, он и не виноват, этот Вольтер, -- думал князь, отойдя от лавки. — Может быть, ей просто-напросто вздумалось меня подразнить. Кому ей? Кукле? — задал он себе щекотливый для самолюбия вопрос. Но тотчас же мужественно отвечал. — Да, кукле: в известном предельном смысле, который я должен еще как-то выстрадать, кукла и есть она. Разобраться во всем этом мне поможет библиотекарь», — решил он вдруг, сам не зная почему.

8.

Работы маленькой Нини

Вечером князь пошел к библиотекарю. Квартира его помещалась над библиотекой, в верхнем этаже. Из передней хозяин провел своего гостя в довольно большую комнату. В ней был образцовый порядок. Направо, где горел камин, выступ стены отделял уютный уголок. Мебель в этом уголке была старая, красного дерева, крытая выцветшим синим бархатом. Здесь был полумрак. Только красный отсвет камина ложился на блестящий паркет и на край мягкого ковра. Лампа под низко спущенным зеленым абажуром стояла в другом конце комнаты налево, на старинном бюро со множеством выдвижных ящичков.

Библиотекарь, потирая свои маленькие сухие руки, объявил, что кофе у него уже готов и просил князя присесть.

Князь сел на бархатное кресло в понравившемся ему уголке, перед камином. От кофе он было начал отказываться, но хозяин сказал, что пить вечером черный кофе его *ancienne habitude* и что хлопот это ровно никаких не составит.

Библиотекарь вышел, князь принялся рассматривать висевшие по стенам картины.

Они давали на обоях красивые, хорошо расположенные пятна. Но когда князь, надев пенсне, в них взгляделся, то был немало изумлен. Картины — рисованные, по-видимому, одним и тем же очень даровитым художником — контрастировали с уютом старомодной обстановки, к которому шли бы портреты бабушек или натюрморты. Они были странного содержания, эти картины. На одной изображалась дикая пляска каких-то кентавров. На другой — чудовищно безобразная голая женщина. Особенно гадко было то, что к своим отвислым грудям женщина эта прижимала букет пунцовых роз. Притворно стыдливое и чувственное выражение уродливого лица было передано мастерски.

Были здесь и свившиеся в отвратительной судороге об-

наженные тела, были бородатые женщины и мужчины с женскими грудями, другие с непомерно развитыми половыми органами, уроды с невероятными горбами, крохотные головы на жирных телах и, наоборот, огромные на телах детских, но старчески-хилых. Бессмысленные улыбки идиотов сочетались на лицах всех этих чудовищ с выражением безмерного, экстатического ужаса в глазах. Словом, это был бред, создание потерявшего равновесие воображения. Но — и это больше всего поразило князя — в подлинной реальности этого бреда не оставалось сомнения. Так передать можно было, только увидев. Увидев глазами. Может быть, даже ощупав.

И еще — странная вещь — князю показалось, что все это он уже видел. Много раз. Знал с детства. Что все это копии каких-то известных, но забытых им картин.

Библиотекарь вернулся, неся поднос с двумя чашками.

— Чьи это картины? — спросил князь. — Я их, конечно, знаю, но не припомню автора.

— То есть как «конечно знаю»? — удивился библиотекарь. — Эти картины никогда не были ни на одной выставке. Это работы моей маленькой Нини. Покойной дочери.

— Неужели? — пробормотал князь. — Как странно, где же я мог их видеть? Но какой талант!

— Да, талант... талант у нее был. — Сказав это, библиотекарь как-то особенно плотно сжал свои длинные хамелеоновские губы. — Однако, прошу!

Князь сел на кушетку, поближе к камину. Хозяин поместился против него в кресле.

— Итак, дорогой князь, — заговорил он с не вполне естественным оживлением, — мы можем продолжать. Наш разговор, если не ошибаюсь, был прерван...

— Простите, — перебил князь. — У вас есть ее портрет?

— Чей? — притворно удивился библиотекарь.

— Вашей дочери.

Библиотекарь немного поколебался,

— Нет, — ответил он потом решительно.

Князю стало неловко за свою нескромность.

9.

Трагическое будущее Европы

— Да, так вы начали?.. — поспешил князь обратиться к прерванному разговору.

— Мы говорили с вами о периодически происходящих в мире катастрофах. Это нуждается в мистическом толковании. Ибо мы с вами, слава Богу, не дети, князь: из узких штанишек рационализма успели вырасти. Не правда ли? — он засмеялся.

Князь тоже улыбнулся. Остановившись, библиотекарь занялся своим кофе. Он клал себе в чашку куски сахара один за другим. Он положил уже четыре, кофе пролился на блюдечко, но он, отхлебнув, опустил и пятый.

— Неужели вы пьете такой сироп? — удивился князь.

— Немцы, которые знают толк в кофе, говорят, что он должен быть черен, как ночь, горяч, как ад, и сладок, как любовь... Кстати, о любви! Я хотел спросить вас, князь... Впрочем, это после. Так вот, по вопросу о мистическом толковании мировых катастроф. Вы, русские, насколько я знаю, имеете склонность к мистицизму, а потому...

— Два слова! — опять перебил князь. Разговор до крайности интересовал его, но мимоходом брошенная библиотекарем фраза о любви дала его мыслям совсем иной оборот, уводя их куда-то в сторону, а может быть, напротив, к самому нужному и основному. — Вы так быстро переходите с предмета на предмет, что мне, откровенно говоря, трудно следить, — сказал он, смущаясь. — Что-то я хотел спросить вас? Да, неужели вы думаете, что и Европа...

— Дорогой князь, — с торжественным спокойствием, кладя свою руку на руку князя, сказал библиотекарь. — Европу ожидает участь Атлантиды и Гондваны. Это несомненно. Вопрос только во времени. Возможно, что мы и не доживем. А впрочем...

— Какие же основания? — спросил князь. При прикосновении библиотекаря он опять почувствовал себя несвободным.

— Основания? — переспросил библиотекарь. — А огненное кольцо вулканов и областей, подверженных землетрясениям, которое окаймляет материк Европы или, лучше сказать, Евразии? Евразией, как вы, может быть, знаете, ученые называют материк Азии вместе с его полуостровом Европой. Так вот, этот материк окружен совершенно таким же кольцом, как всем известное вулканическое кольцо Тихого океана. Проследите по любой карте эти вулканы и области землетрясений от Исландии, через южные полуострова — Пиренейский, Апеннинский и Балканский — Крым, Кавказ, горы Туркестана, Восточной Азии, через Японию и Курильские острова до сопок Камчатки. Факты, известные всякому лицеисту. Такие же роковые кольца были вокруг провалившихся материков и обусловили их гибель. Это линии разлома, князь, трещины в земной коре, происходящие от ее неравномерного сжатия. В момент катастрофы трещины внезапно разверзаются, окруженный ими материк проваливается, хлынувшее со всех сторон море заливают образовавшуюся обширную впадину, происходит так называемая трансгрессия. Иногда на поверхности остается ряд островов, как это мы видим в Тихом океане. Иногда не остается ничего.

— Вы находите мистическое толкование этому? — глухо спросил князь.

— Пытаюсь, во всяком случае. Впрочем, мысли эти принадлежать не мне. Но автор... До автора вам пока нет дела. Займитесь толкованием и обратимся к наиболее в данном случае компетентному источнику.

10.

Путь змия

Библиотекарь подошел к бюро и взял лежавшую на нем черную книгу. Нагибаясь к лампе, он прочел:

— «Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши и вы будете как боги, знающие добро и зло». — Он обернулся и посмотрел на князя. — Что вы скажете?

— Я знал этот текст, — ответил князь. — Но какое отношение имеет он к нашему разговору?

— Да ведь в этом тексте и заключено мистическое толкование мировых событий! — вскричал библиотекарь, опять возвращаясь в свое кресло подле князя. — Это пролог. Нам же с вами выпало на долю быть персонажами последнего действия. Трагизм положения в прологе уже ясно определен. Первый человек зажат как в клещах. От него требуется выбор: смирение, покорность и в награду мирное райское житие в саду Эдемском. Или смелый протест, бунт и тогда — «станете как боги».

— Змий соблазнял Еву ложью, — сказал князь.

Библиотекарь улыбнулся своей двусмысленной улыбкой.

— Откуда вы знаете, что ложью?

— Ответ, мне кажется, дает библейский текст. Ева послушалась змия...

— И была вместе с Адамом, в наказание за это — заметьте, что именно в наказание — одета в «кожаные ризы». Не знаю, обратили ли вы внимание на эту деталь: до грехопадения Адам и Ева не имели «кожаных риз», т. е. грубо-материального тела. Из этого вы заключаете, что змий обманул их? Они не стали «как боги», а напротив, были наказаны? Совершенно верно, но не забывайте, милый князь, что они не все совершили, к чему призывал их змий.

— Как — «не все»?

— А дерево жизни? Чтобы стать подобными богам, им надлежало вкусить еще плод от дерева жизни. Они затем-то и были прогнаны из сада Эдемского, чтобы не простерли руки своей и не взяли также от дерева жизни и не стали бы жить вечно. В том-то и дело, что первый человек ни одной из предложенных ему дорог не пошел. Не хватило решимости. Так что винить змия, будто он обманул Адама, по меньшей мере несправедливо. Нет, мой дорогой князь, вина всецело на совести нашего праотца. Он — извините мне грубую шутку — он между двух стульев сел. Вот эту-то вину и надлежит его потомкам исправить.

— В каком же смысле исправить: в смысле смирения или в смысле бунта? — спросил князь.

— Ah! ça... ça dépend! — уклончиво засмеялся библиотекарь.

— Пойдите, — вдумываясь, сказал князь. — Значит, как же по-вашему? Эти катастрофы..?

— Средство воздействия против неповинующихся. Дело в том, что развитие цивилизации ведет за собой то, что наши чудачки-историки называют «падением нравов». Знание и грех всегда шли рука об руку. То и другое неуютно Богу и карается.

— На чем основываете вы ваше утверждение? — спросил князь.

— Для Атлантиды мы имеем рассказ Платона о цивилизации и нравах ее обитателей в период, предшествующий их общей гибели. Но, быть может, рассказ Платона кажется вам недостоверным? В таком случае, обратимся к Гондване. Здесь я имею сообщить вам вещи, действительно, любопытные.

11.

Африканские карлики

Не помню уж, говорил ли я вам, что обширный материк Гондвана занимал пространство нынешнего Индийского океана и что Индостанский полуостров является уцелевшим его осколком, точно так же, как и большой остров Мадагаскар, расположенный, как вы знаете, у берегов восточной Африки. Доказывается это не только сходством геологического строения обеих этих областей, теперь разделенных необозримым водным пространством, но также сходством растительного и животного мира. Материк Гондваны ученые называют иначе Лемурией, по встречавшемуся на нем виду обезьян. Этот вымирающий вид — лемуры — исключительно свойственен в настоящее время Индостану и Мадагаскару. Теперь обратимся к населению затонувшего материка. Антропологи чрезвычайно интересуются вопросом о том, не сохранились ли где-нибудь потомки древних обитателей Гондваны. Но положительного ответа, насколько мне известно, официальная наука пока не дает. В ее распоряжении имеются, однако же, любопытные факты. Так, например, достоверно известно, что в лесах тропической Африки живут карликовые племена, вооруженные отравленными стрелами, необычайно мстительные и злые. Никто не знает состава их ядов. Никому также не удалось проникнуть в их таящиеся среди лесов жилища. Негры боятся этих карликов и приписывают им сверхъестественное могущество. Они слышат колдунами, способными убивать не только при помощи стрел и ядов, но и безо всякого физического воздействия. Колдовством, или — как мы теперь говорим — при помощи оккультных знаний.

Но вот что всего любопытнее: некоторые путешественники утверждают, что в южной части Индостана живет совершенно сходное с только что описанными карликовое племя, пользующееся среди остального населения такой

же страшной репутацией. Естественно возникает догадка, не имеем ли мы в лице этих порочных и могущественных карликов потомков обитателей Гондваны?

12.

Под знаком Венеры

— Я не понимаю... — начал князь. — Все это, конечно, интересно, но я не вижу связи между карликами — пусть даже это будут потомки обитателей погибших материков — и тем, с чего вы начали. При чем же здесь путь змия?

— Милый князь, — засмеялся библиотекарь. — Вы сегодня поразительно рассеянны и дурно следите за нашей беседой.

— Да, это правда, я неважно себя чувствую, — краснея под пристальным взглядом библиотекаря, пробормотал князь.

— Рассеянность — плохой признак, — быстро облизав губы, улыбнулся библиотекарь. — Кстати, князь: я немного занимался когда-то хиромантией. Позвольте-ка вашу руку.

— Зачем? — не давая руки, спросил князь.

— Чтобы проверить некоторые непосредственные наблюдения. Дело в том, что я голову готов дать в заклад: вы рождены под знаком Венеры, милый князь. Ну, чего же вы боитесь? Я ничего вам не напророчу, посмотрю вот только. — Он взял левую руку князя, повернул ее ладонью кверху и низко, чтобы разглядеть в полумраке, над ней наклонился. — Так и есть: линия любви развита необычайно, совершенно из ряда вон!

Князь выдернул руку.

— Не знаю, что вы хотите сказать этим, — пробормотал он. — Обратимся лучше к нашему разговору.

13.

Плюс и минус бесконечность

— Да, наш разговор! — как бы не желая смущать гостя, сейчас же подхватил хозяин. — Вы, кажется, спросили, к чему я веду? А веду я вот к чему. То, что мы называем мировым прогрессом, есть, в сущности, не что иное, как путь, предложенный змием: «Дерзайте, и будете ж и т ь в е ч н о, как боги». Жить вечно! Эта проблема — бессмертие — неизбежно будет выдвинута как конечная цель прогресса. С мыслью о смерти примириться нельзя, князь. Для чего «все достижения человеческого гения» — как говорится — если каждому из нас рано или поздно предстоит быть съеденным червями, ровно ничего в прогрессе не понимающими? Я говорю: проблема бессмертия будет выдвинута, но разве она — в той или другой форме — уже не ставилась тысячу раз? Вспомните алхимиков с их «эликсиром жизни», вспомните вашего гениального соотечественника Мечникова, неутомимого борца за долгую жизнь, Броун-Секара, другого вашего не менее гениального соотечественника, имя которого я позабыл, да разве всех перечтешь? Змий отравил их страхом смерти. Это он научил их тянуться к запрещенным после грехопадения плодам древа жизни. Противоположной стороне это не нравится. У нее своя песнь: «Смиритесь и наследуете вечную жизнь». Не здесь, а там. Итак, два пути: путь Бога — смирение, покорность, полное подчинение — в награду вечная жизнь. Скажу здесь же, чтобы не возвращаться. Вечная жизнь довольно малокровная, анемичная, к тому же гадательная. «Будет новая жизнь и новые люди», но какие — остается открытым. Затем, наследуют эту ущербленную новую жизнь далеко не все, а только так называемые праведники, т. е. люди, прошедшие длинный, утомительный путь святости, сведшие, так сказать, свою земную полноценную жизнь на нет. В кредит, конечно, и без всяких гарантий награды. Одни пра-

ведники! Подумайте только, что это будет за скука, какое отсутствие контрастов, красок. К тому же, да будет позволено спросить, на ком эти праведники станут упражнять свою добродетель? — Библиотекарь неестественно засмеялся. — Вот вам первое предложение. Не блестящее, как видите. Второе предложение таково: протяните руку, вырвите у Бога тайну добра и зла — что и сделано было Евой — и тайну жизни, и немедленно наследуете вечность. И, заметьте, полноценную, без всякого ущерба. Здесь, на этой милой грешной земле, со всеми ее радостями и соблазнами. Вечность этого самого тела, которое так жадно до радостей и соблазнов. И это для всех — идея вполне демократическая — вечность не только для святых, нет! вечность для воров, убийц, насильников и растлителей. Все краски жизни, все ее контрасты сохранены! Свобода самоопределения в зле, как и в добре. Безграничное развитие каждой индивидуальности! Разве это не грандиозно? — Библиотекарь внезапно остановился. Как бы что-то соображая, помолчал. — Ну вот, — заговорил он в более спокойном тоне, — теперь для вас, думаю, картина ясна. Когда человечество, слишком решительно становясь на путь змия, простирает руки к древу жизни, таковые его действия караются мировыми катастрофами. Спасаются в общем бедствии и дают потомство послушные тупицы, вроде Ноя, а дерзающие, если и удастся им иногда спастись, должны прятаться от карающего гнева в лесах и горных пустынях и обречены на вымирание. С ними вместе умирает и их неугодное Богу знание. Эту проблему плюс и минус бесконечности математики нащупали. Странно только, что обе они, по их мнению, где-то сходятся. Мне кажется, напротив, что такой точки встречи нет. А? что вы об этом думаете?

Князь вздрогнул. В запутанном клубке своих мыслей он опять потерял нить разговора. Библиотекарь похлопал его по плечу.

— А все-таки, милый князь, разрешите мне дружеский совет: будьте осторожны. Повторяю, вы рождены под знаком опасной звезды.

Выйдя от библиотекаря, князь попробовал было связать все им слышанное с собственными своими переживаниями. Но сейчас же бросил: связь тут, конечно, существовала, но он не имел достаточно данных, чтобы отыскать ее.

Это было мучительно. Хотелось, забыв все, мечтать о ней. Странная перемена произошла в его чувствах, отчасти, может быть, под влиянием намеков библиотекаря. Он как бы вдруг и теперь уже окончательно забыл, что объектом его любви является все же кукла. Он любил женщину, живую женщину, которая, дразня его, от него прячется, но которую он завтра же непременно отыщет. Он чрезвычайно много ждал от этого завтрашнего дня. О лавке антиквариата, о Вольтере, о кукле он не только не хотел думать, но просто даже не помнил. Любимая женщина войдет в его комнату — вот что такое таил в себе этот единственный завтрашний день. *Madame Meterry*?... мелькнула неприятная мысль. Ах, пустяки! Она ее и не увидит. В комнату к нему хозяйке совсем незачем ходить: он сам будет теперь убирать постель и мести пол. Обдумывание всех этих подробностей разжигало князя. Он испытывал нетерпение жениха накануне свадьбы. В страстных мечтах он и заснул.

14.

Ведьма торгует галантереей

Утром он проснулся с головной болью, которой он был подвержен и которая всегда следовала за кошмаром. Сегодня в его кошмаре было что-то особенно мучительное. Припоминая хаотические и уродливые образы ночи, он вдруг понял, что образы эти до мелочей совпадали с чудовищными картинами в комнате библиотекаря.

До обеда князь никуда не пошел, сказав себе, что излишней торопливостью можно только испортить дело. В

действительности, охваченный любовными мечтами, он не хотел и не мог думать об этой антикварной лавке.

Madame Meterry, пришедшая убирать комнату, нашла своего жильца в очень странном состоянии. Подумав, что он, не находя занятия, скучает, она позволила себе заметить, что князь хорошо бы сделал, пойдя теперь на базар — а сегодня как раз воскресенье — и купив себе носки. Ведь у него всего две пары, из которых одна окончательно расползлась.

Услыхав, что нынче воскресенье, князь переполошился.

— Как? — вскричал он, — воскресенье? Так стало быть, магазины закрыты?..

Madame Meterry начала его успокаивать. Носки гораздо лучше купить не в магазине, а у торговки на базаре: то же качество, вдвое дешевле.

Но князь думал не о носках. Отсрочка обрадовала его. «Ожидание чудесная вещь, — стал он сам перед собой в этой радости оправдываться. — Я постараюсь как можно приятнее провести мой последний свободный день».

Однако, хозяйка настаивала, давая указания, какие именно носки всего практичнее будет купить: не шерстяные, — те дороги, да и носятся хуже, — *à demi-laine*. Превосходного качества носки. Ее покойный муж других не носил.

Князю очень не хотелось идти, но, видя, что она не отстанет, он решил преодолеть внушаемую ему базарными торговками робость и отправился.

Площадь была заставлена палатками, в которых продавались всевозможные товары, от пареной свеклы до щипцов для завивки волос.

Князь всегда очень страдал, когда приходилось так или иначе принимать участие в действительной жизни. Но в тот день, когда душа его была — как он называл это — переполнена музыкой любви, он страдал особенно. Торопясь как можно скорее покончить с не приятной обязанностью, остановился он у палатки с галантерейным товаром и бельем. Спешно выбрал пару носков и попросил завернуть.

— *Ce sera trop petit pour vous*, — грубым, совершенно

мужским голосом сказала торговка.

Пораженный этим голосом, князь посмотрел на нее и прямо-таки испугался. Торговка, действительно, была на редкость странного вида. Князь давно обратил внимание на то, что бородатые женщины составляют одну из особенностей этого города. Он был даже уверен, что каждая его обитательница, достигнув известного возраста, приобретает это украшение, вообще говоря, прекрасному полу не совсем свойственное. Но такой бороды, какая была на лице этой торговки, он, по крайней мере у женщин, еще не видел. Борода была густая, что называется, окладистая, с сильной проседью, и, раздваиваясь, оканчивалась двумя небольшими бачками. Хуже же всего было еще то, что на голове старухи торчал кружевной чепец. Этим чепцом она как будто хотела показать, что *malgré tout* — несмотря даже на бороду — она остается женщиной.

Торговка сладко и игриво улыбнулась князю. «Женская» улыбка на бородатом лице — это надо видеть, чтобы понять. Князь покраснел при мысли, что, быть может, бедная старуха заметила отвращение, которое она внушала. Но та поняла его смущение иначе. Она попросила его дать свою руку, чтобы смерить, впору ли ему придется носок. Князь протянул. Охватывая его сжатый кулак носком, она — или это только показалось? — она нежно пожала его руку. Избегая смотреть на нее, весь багровый, князь схватил пакет и хотел уже уходить, но раньше, чем торговка успела что-нибудь сказать, вспомнил, что не заплатил и начал извиняться.

— *Pas de mal, pas de mal!* — принимая деньги, сказала торговка. И вдруг прибавила: — *C'est dans la rue de St. Pélerin que vous habitez?*

Тут только князь заметил, что у старухи беспокойные, щупающие как пальцы глаза. Сердце его тяжело замерло. Чувствуя, даже на нее не глядя, что глаза ее шарят по его лицу, он пробормотал свой адрес и, забыв проститься, отошел. Отойдя, сейчас же подумал, что сделал глупость. «Как же было не сказать, когда она спрашивает?.. Простая уч-

тивность...» — утешал он себя и все-таки чувствовал, что сделал ужасный, непоправимый промах.

15.

Романтика любви

Князь вернулся домой. Здесь снова охватила его любовная атмосфера его комнаты и он до вечера, лежа на кровати, промечтал. В сумерки встал, привел себя в порядок и вышел побродить по городу. О любил этот час, когда из окон выглядывают старушечьи головы в чепцах, по дворам играют вернувшиеся из школы дети и старый зажигалычик медленно проходит по улицам, неся, как древко невидимого знамени, свою длинную полку и разбрасывая в темноту бледные огни газовых фонарей.

В этот вечер мирная картина подействовала на князя еще сильнее. Ему было хорошо, как никогда, особенно хорошо потому, что вот все по-прежнему, все всегдашнее: и старый зажигалычик, и дети во дворах, и первые загоравшиеся на земле и на небе огни. Только он один — не прежний, только его ждет огромное, небывалое счастье.

Он вошел на мост. Остановившись, облокотился о перила. В густеющих сумерках старый собор, аббатство и церковь св. Петра, чуть светлее неба и реки, казались белесоватыми призраками. Впереди узкий горбатый мостик и его отражение смыкались в кольцо. И вверху этого кольца, по самой середине мостика, и внизу в воде горело по одному зеленому огню. Во всем этом была его любовь.

Князь оглянулся на стоявшую за ним посредине моста статую родившегося в этом городе ученого-натуралиста. Ученый был видный мужчина и стоял в красивой самоуверенной позе. А у его ног на пьедестале барельефом была изображена мертвая маленькая птичка. Князь начал ду-

мать о них обоих: об этом ученом и о птичке. Ученый посадил птичку под стеклянный колпак и выкачал из-под него воздух. Этим он убил ее. Вот все, что он сделал. За это ему поставили памятник. Он занимался каким-то вопросом о роли кислорода. Птичка была нужна ему для опыта. Бедняк, — с сожалением подумал князь, — он не знал, что птичка важнее кислорода, что кислород даже совсем не важен. Он усмехнулся. Какое, в сущности, ему дело до ученого, до птички и до кислорода. Он будет думать о ней одной и о предстоящем.

Князю не хотелось идти домой. Это состояние воздушной, почти невесомой и вместе страстной влюбленности было так пленительно. По пешеходному мостику он вернулся обратно. Ему захотелось каким-нибудь внешним образом озаглавить свою любовь. Быстрым, молодым шагом поднялся он в новый город и зашел в первый попавшийся цветочный магазин. Продавщица была молодая девушка с курчавой стриженной головой. Князь с удовольствием подумал, что, верно, она догадывается, для чего он покупает цветы.

Но она, очевидно, не догадывалась. Видя нерешительность князя в выборе цветов, она озадачила его вопросом, не надгробный ли венок он желает заказать.

Князь едва не рассердился. Но он был так счастлив, что даже бестактный вопрос этот готов был простить. Улыбаясь, он ответил, что, совершенно напротив, желал бы выбрать красивый букет в подношение одной молодой особе.

— Такой же молодой и прелестной, как вы, — прибавил он, краснея.

Девушка засмеялась и в оправдание себе заметила, что редко кто покупает у них цветы для живых, большей частью их кладут на могилы. Тем более, что послезавтра — *jour des morts*.

Решительно, у нее было мрачное умонаклонение. Но князь ему не поддался. Он долго, с особенным удовольствием выбирал цветы, говоря о значении каждого из них. Девушке его разговор, видимо, нравился. Наконец, общими силами, они составили букет, князь заплатил и, счастли-

вый, на 10 лет помолодевший, с завернутыми в папиросную бумагу цветами, отправился домой. По дороге он вспомнил, что завтра, в понедельник, парикмахерская месть Жоржа будет заперта, забежал к нему и попросил его возможно тщательнее выбрить ему щеки, «чтобы не кололись», прибавил он с игривой улыбкой. Месье Жорж, видя совершенно новое настроение своего всегда сдержанного клиента и приняв в соображение также и цветы, выбрил его очень скоро и безукоризненно. Беря деньги и потом отворяя дверь, он несколько раз пожелал князю *bonne chance*.

Князь спустился к реке.

16.

Вторая смерть

Он шел по набережной под липами, когда его окликнул какой-то сидевший на скамейке человек:

— *Monsieur le prince!*

Князь оглянулся. Это был библиотекарь.

— Куда вы направляетесь, дорогой князь? Да еще с цветами!

Князь смутился.

— Я... так себе брожу... А эти цветы...

— О, не трудитесь объяснять! — засмеялся старик. — Вы думаете, я не был в вашем положении? Ну, полноте, полноте! Разве я не понимаю? Хотя... сказать вам по правде, мне кажется, что для иных дам метла как-то приличнее цветов. Я имею в виду, что метла может пригодиться по хозяйству. Не примите, впрочем, на счет вашей дамы. К тому же не имею чести и знать. Уверен, что *delicieuse*. А о метле я упомянул, собственно, потому, что видел сегодня одну торговку... Ну, совершенная, понимаете, ведьма.

— Как, и вы ее видели? — озадаченно спросил князь.

— То есть как это «и я»? Кто же еще ее видел?

— Нет, я так... — спохватился князь. — Меня только удивляет, почему эти цветы навели вас на мысль о какой-то старой торговке.

— Странная ассоциация идей, не правда ли?

За темнотой князь не мог видеть, но как-то почувствовал, что, говоря это, библиотекарь своим быстрым движением ящерицы облизал себе губы.

— А жаль, князь, право жаль, что у вас нынче совсем другое на уме, — сказал он, меняя тон. — Признаться, я чувствую большую охоту продолжать наш разговор.

— Я очень рад! — вскричал князь. — Мне... мне решительно некуда спешить.

— В самом деле? Присаживайтесь, в таком случае. Да и правда: куда вам спешить? Вся ночь впереди. — Он засмеялся.

Князь сел.

— А я думал, что ваши интересные гипотезы исчерпываются тем, что вы мне тогда рассказали, — сказал он, игнорируя намек.

— Исчерпываются? — вскричал библиотекарь. — Но ведь это было только введение, князь. Небольшой экскурс в область истории данного вопроса. Ведь я еще ни слова не говорил вам о том, какие перспективы наша проблема открывает в будущем.

— Неужели вы думаете, что бессмертие, действительно, достижимо? Или... или я плохо вас понял?

— Вы совершенно правильно меня поняли.

— Если это так... Если только это действительно так и вы не шутите...

— Уверяю вас, что я совсем не склонен шутить. Я, напротив, с полной серьезностью хотел бы продолжить мое изложение, — сухим тоном старого педанта прибавил библиотекарь.

— Я готов слушать вас хотя бы до послезавтра!

— Будто? Но ваши цветы? За такой срок они совсем завянут. А знаете ли, князь, что любовь, может быть, не долговечнее цветов. Так мне кажется. Впрочем, это мое личное

мнение. Признаюсь вам, я предпочел бы иметь вас совершенно свободным.

— Иметь? — переспросил князь.

— Да. Вас удивляет? Но разве вы не чувствовали с самого начала, что у меня на вас виды?

— Может быть, — пробормотал князь.

— А! тем лучше! Но давайте продолжать. Мы договорились с вами, что в истории развития человеческой мысли проблема бессмертия неоднократно ставилась. 19-ый век дал в этом направлении чрезвычайно много попыток. Чем же, спрашивается, объяснить их постоянную неудачу? Случайностью? Не нашли еще нужных химических реагентов? О, нет, причина гораздо глубже. Дело в том, что работая над омолаживанием организма, борясь со старостью и болезнями, ученые 19-го века наивнейшим образом игнорировали один маленький пункт: душу. Между тем, душу омолодить нельзя. С нею вообще нельзя экспериментировать. Победа над старостью и болезнями, несомненно, будет достигнута. Это вопрос времени, может быть, даже ближайшего. Но смерть... смерть другое дело! Ведь старость и болезни не причины смерти, а только ее спутники. Лишившись спутников, она по существу не изменится. Сущность смерти есть выход души из тела, которому никогда, ни при каких обстоятельствах помешать не удастся. Но им, самим этим выходом, можно и должно умело воспользоваться. Вот та простая мысль, которая легла в основу работ одного из гениальнейших наших современников. Я не назову его имени, князь: оно вам пока не нужно. Ограничусь тем, что скажу: я не только лично с ним знаком, но имею честь считать себя его другом. Все, что я до сих пор сообщил вам — его мысли, записанные мной с его собственных слов. Но продолжаю. Душа — рассуждает дальше этот... этот доктор (будем его так называть) — душа для наших целей не необходима. Нам нужно тело, которое она оставляет. От нас зависит сделать его настолько сильным и жизнеспособным, чтобы оно могло продолжать свое существование без души. Что это возможно — доказывают известные медикам факты раздвоения личности, представляющие именно такое —

временное, правда — отделение души от тела, причем тело сохраняет все свои жизненные функции. Совершенно то же мы имеем в целом ряде телепатических и медиумических явлений...

Князь слушал с мучительным беспокойством. Он слушал с тем чувством, с каким спешит застигнутый ночью в незнакомом месте. Идти остается недолго. Но темнота сгущается и сбивает с дороги.

— Что же получится в результате такого расщепления? — спросил он, недоумевая. — Автомат, который будет есть, пить, спать. Может быть даже... любить?

— Непременно.

— Автомат, обладающий всеми низшими функциями?

— Почему же только низшими, — удивился библиотекарь. — Если желудок его будет переваривать пищу, глаза — видеть, уши — слышать, то нет причины, почему мозг его не сможет исполнять своего назначения. Напротив. Здоровый, молодой организм функционирует, как известно, лучше, чем дряхлый и больной. Мыслительные способности этого нового человека — этого автомата, как вы презрительно назвали — несомненно, превзойдут наши.

— Какая же разница с теперешним состоянием?

— О, огромная. Душа приносит организму чрезвычайно много вреда. Психические, моральные страдания, разве они не страшнее телесных? А затем, всех этих сомнений, вечных исканий, неудовлетворенности и раздвоенности не будет. Подумайте, какой запас энергии, бесполезно расходующийся на борьбу с душой, освободится и послужит к развитию всех способностей, прежде всего, конечно, интеллектуальных. Итак, жизнеспособное, сильное тело — вот первый этап. Подготовку тела — по мнению доктора — желательно начинать задолго до смерти, с детства субъекта, с которым экспериментируешь, или с ранней его молодости. Тут, прежде всего, следует твердо помнить, что банальная формула — «в здоровом теле здоровая душа» — никуда не годится. Многое, что полезно для тела, вредно для души и наоборот. Это как раз дает могущественное средство в руки экспериментатора, позволяя приступить к тому, что док-

тор обозначает термином «вытравление душ».

— Вытравление душ? — переспросил князь.

— Да. Умерщвлению плоти т а м, з д е с ь противопоставляется умерщвление души: аскеза навыворот, если угодно.

— А дальше? — спросил князь. — Ведь это еще не все?

Библиотекарь несколько секунд неподвижно и молча глядел на князя.

— Это не все, — повторил он растягивая слова.

— Что же дальше?

— Дальше смерть. Вторая. Смерть души. Она должна произойти одновременно со смертью тела. А затем — уже чисто физическими методами — жизненные функции тела восстанавливаются. Это вопрос исключительно экспериментальной техники. Такие опыты бывали. Необходимо только, чтобы смерть тела была скоропостижной...

— Вы сейчас говорили, что материалисты игнорировали душу, — сказал князь. — Но чем же то, что вы предлагаете, отличается от их способов?

— Ведь я сказал вам, — тихо, как-то даже странно, подозрительно тихо ответил библиотекарь, — д у ш а д о л ж н а у м е р е т ь. Вы меня поняли?

— Нет. Ничего не понимаю. Вы сказали, душа должна выйти из тела.

— Этого мало. Покидая тело, душа не умирает. Напротив, смертью тела она приобщается вечной жизни. Той ущербленной, проблематической вечной жизни, которую обещает нам церковь. Точно так же, только смертью души может и будет куплено бессмертие тела. То есть единственно подлинно-реальное. В этом — в умерщвлении души — вся трудность, а не в воскрешении. Воскрешения бывали и раньше.

— Вы говорите о Лазаре и о дочери Иаира? — спросил князь.

Библиотекарь поморщился.

— Нет. Эти случаи не подходят. Я имел в виду другое. — Он внезапно оборвал и взглянул на часы.

— Однако! — вскричал он, — как мы заболтались! Меня ждет моя микстура, которую я должен принимать ровно в девять, а вас, князь, вас ждет нечто неизмеримо более приятное.

— Подождите! Два слова, — остановил его князь. — Ведь способ... тот способ, в котором вся трудность... он уже найден? Да?

Библиотекарь довольно долго, не отвечая, глядел на князя. Не просто глядел, а своими выпуклыми, как оптические стекла, глазами точно в лупу его рассматривал.

— Найден, да! — сказал он, наконец, как бы убедившись, что сказать это теперь уже можно.

— В чем же он состоит? И были ли опыты? Ведь опытов еще не было? Не правда ли? Или были? — Задавал эти вопросы князь очень нервно.

— Не спешите, дорогой, — остановил библиотекарь. — Дело, о котором я говорю вам, слишком серьезно. Вы понимаете, конечно, что если говорю, то не для удовлетворения вашего любопытства. Ну, а коли нам вместе работать, так запаситесь терпением. Да, опыты были. Хотя, не скрою, не вполне еще удачные.

— А! — разочарованно протянул князь.

— Трудности здесь таковы, что удивляться неудачам не приходится, — заметил библиотекарь. — Но способ верный. И единственный. Это несомненно.

— Почему же не удались опыты?

Библиотекарь развел руками.

— Что вы хотите? Неудачи в новом деле бывают всегда. Я лично объясняю их негодностью экспериментального материала. Субъект, с которым мы экспериментировали, был выбран неудачно, — пояснил он, видя, что князь не понимает. — Теперь в этом отношении придется быть осторожнее.

Говоря это, библиотекарь навел на князя свои телескопические глаза. Изнутри черные, они принимали множество внешних отсветов. Так переливается лунный свет в темных окнах необитаемых домов.

— Как я уже говорил вам в прошлый раз, — начал он мягко, словно подползая, — есть только один способ воздействовать на душу в желательном для нас направлении. Аскеза навыворот. Умерщвление души.

— Грехом? — князь произнес это с внешним спокойствием.

— Вы сказали.

— Стало быть, способ состоит в совершении греха? Преступления, может быть? Какого?

Библиотекарь снисходительно усмехнулся.

— Дорогой князь, я еще раз прошу вас не спешить и сохранять спокойствие. «Совершить грех» — как вы наивно выразились — не мудрено. Ведь все, что мы делаем, есть, в сущности, грех. Никто — так учит церковь — не свободен от греха. Но вам, несомненно, известно, что против отравы греха существует противоядие.

— Покаяние, — сказал князь.

— Совершенно верно. Кстати, ведь вы, надеюсь, не церковный человек, князь? Я потому спрашиваю, что вы уж очень правоверно ответили?

— Как вам сказать?... Нет. У меня иногда бывает потребность молиться. Но в церковь... в церковь я хожу редко.

— Это очень хорошо. Еще лучше было бы не ходить туда вовсе. Когда вы причащались в последний раз?

— Кажется, лет десять не говел. Но почему это вас интересует?

— Это важно, князь. Это крайне важно. Для удаchi нашего эксперимента. Я имею в виду, — прибавил он поспешно, — что, работая вместе, надо же нам друг друга знать. Да, так вот, видите ли, мы как будто и договорились: грех — болезнь души. Лекарство — покаяние. Говорят, есть смертные грехи. Но, насколько мне известно, священник имеет право отпускать самые страшные. Предательство, матерейство, растление детей, кощунство — все покрывается искренним покаянием. Есть только один грех, князь, против которого это средство бессильно.

— Я не знаю такого страшного греха, — бледнея, сказал князь.

— Дело не в том, что грех этот страшен, — успокаивая, мягко возразил библиотекарь. — На мой взгляд, он вовсе не так уж страшен. Во всяком случае, мне известно много вполне порядочных людей, этим грехом согрешивших. Он совсем не гнусен. Он не принадлежит к категории неэстетичных, грязных грехов, в которых трудно каяться. Мне лично кажется, что в этом грехе есть своеобразная мрачная красота, недаром же так часто вдохновлял он писателей и поэтов. И все-таки грех этот таков, что ни один совершивший его никогда в нем не каялся и, следовательно, не получал и отпущения. Это позволяет, не правда ли, заключить, что только этот единственный грех приводит душу к неотвратимой, окончательной гибели.

«Все это недаром... Это он неспроста...» — мелькнуло в голове князя.

— Господин библиотекарь, — сказал он, под тоном раздражения скрывая тревогу, — что значат ваши недомолвки? Почему не говорите вы прямо? Или вы мне не доверяете?

Библиотекарь, не отвечая, вдруг встал.

— Пора, князь. Не всю же ночь, в самом деле, нам беседовать, хотя бы и на столь занимательные темы. Кстати, ведь вы, конечно, читали Достоевского?

— Достоевского? — опешив, переспросил князь.

— Да, вашего *célèbre écrivain*. Знаете ли, что он отчасти предвосхитил нашу мысль? Не шутя! Даже рецепт вечности дал. В общих чертах, без разработки деталей, разумеется. Помните того странного субъекта, который говорит, что человек, заявивший «великое своеволие», тотчас же станет богом, человекобогом в антитезу Богочеловека. Это гениально у него.

— Самоубийство?!.. — вдруг с ужасом вспомнив Кириллова, догадался князь.

— Непременно, — торжествуя, вскричал библиотекарь. — Но без боли, заметьте, без малейшего неприятного ощущения. Несколько капель снотворного, как высшая степень непокорства! А затем... затем сейчас же, немедленно зондом вводится в сердце один необычайно сильный возбу-

дитель. Оба реагента — им самим синтезированные сложнейшие составы. — Я видел формулы. Реакция мгновенна. Сердце тотчас же начинает снова функционировать. Фантастический человекобог Достоевского становится реальностью. Он уже не тварь. Он швырнул Богу дарованную Им временную жизнь и, взамен ее, вырвал вечность. Не для себя только, но для всех. Остальным, чтобы к ней приобщиться, не нужно проявлять великого своеволия. Дальше все пойдет естественным, так сказать, физиологическим путем. Мы просто-напросто будем прививать им бессмертие, как оспу. Согласятся, будьте покойны. Соглашаются же сейчас на вытравление душ, которое мы ведем в грандиозных размерах. Еще с какой радостью соглашаются-то! Кому же весело страдать? Им наслаждаться хочется. Кроме того, иметь душу скоро просто неприличным станет: вышло из моды. Это как с отростком слепой кишки: прежде необходимым считали, потом догадались, что атавистический орган и что вырезать надо. Но н а ч а т ь, б ы т ь п е р в ы м — это другое! На это «вытравленные» не пойдут. Здесь человекобог нужен. Они, остальные, будут приобщаться новой вечности его кровью. Кровью того, кто «смертию смерть победил». Все — как т а м. Все совершенная копия. Только т а м, у Н е г о — мечта. У нас — реальность.

Библиотекарь, шепча скороговоркой, наклонился к самому уху князя. Тот чувствовал у себя на щеке его отвратительное зловонное дыхание. Это походило на чудовищный кошмар. Князь не мог произнести ни слова, не мог пошевелиться. Парализованный во всех членах, он в то же время сознавал, что находится во власти чьей-то посторонней злой воли.

Вдруг — мгновенно, совсем как в кошмаре — он почувствовал себя свободным. Вскочил и бросился бежать. Не отбежав и десяти шагов, оглянулся, не бежит ли библиотекарь за ним. Скамейка была пуста. Кругом ни души. Темно и тихо. В каком-то давящем страхе князь опять почти бегом пустился домой.

Шалости амура

Придя к себе, он заперся и отворил окно. (Он боялся кошмаров). Ночная сырость мельчайшими матовыми каплями сыпала сверху из мрака в освещенную комнату. На улице не было ни души, только кошка, торопливой тенью проскользнув через улицу, спрыгнула в подвальное окно. В доме тоже все уже спали.

Стоя перед окном, князь старался так или иначе объяснить себе внезапное, совершенно чудесное исчезновение библиотекаря. О словах его не думал: вдруг как бы все позабыл. Было в этой встрече — помимо исчезновения — еще что-то очень поразившее. Но что? — вот вопрос, который теперь беспокоил. Чем именно эта встреча и этот разговор отличались от их прежних свиданий? Иногда вот так — совершенно явственно — видел он образы своих ночных кошмаров. Библиотекаря он тоже видел. И все-таки это был не он. Не вполне он. И он и не он в одно и то же время. Ведь и она не вполне была ею. Или, лучше сказать, она становилась ею, и он им в каком-то еще не достигнутом пределе. И тут князь с необычайной ясностью понял, что об этом пределе и говорил ему сегодня библиотекарь. Но что говорил — вспомнить не удавалось.

Он долго не мог заснуть. Лежал в темноте и припоминал. Вдруг пришли на ум слова библиотекаря: «У вас вся ночь впереди». Усмехнулся блаженной улыбкой влюбленного и почти тотчас заснул.

Ему снилось, что он сидит рядом с ней среди мягких диванных подушек. Она не кукла, но живая женщина. Она со слезами жалуется на библиотекаря, предостерегает, чтобы он не доверял старику. Сердце князя полно любви и жалости. Он протягивает к ней руки... Но вместо атласного прикосновения ее кожи внезапно ощущает что-то грубое, колючее...

— *Viens, mon cocot!* — седая раздвоенная борода и кружевной чепец над ней трясутся от сладострастного смеха. Старуха обхватывает его руками.

С омерзением вырвался князь из грязных объятий торговки, схватил что-то попавшееся ему под руку и изо всей силы пустил им в ведьму. Раздался грохот падающего металлического предмета и похожий на осипшее воронье карканье крик. Князь мгновенно проснулся. Он знал, что падение и крик были наяву. Трясущимися руками он чиркнул спичкой. Около кровати сидела паршивая серая кошка и лизала свою перебитую лапу. Спичка погасла. В ту же минуту он услышал, как кошка, стукнувшись о раму, выскочила в открытое окно. Князь захлопнул его. Он весь дрожал.

18.

Тыква.

Вошедшая к нему утром *madame Meterry* с удивлением увидела, что *monsieur le prince*, в необычном для него неглиже, сидит на кровати и, кажется, совсем не собирается пить кофе. На столе валялись вчерашние цветы. Все это было очень странно. Неужели он завел роман? Но с кем? И как могла она прозевать это? Чрезвычайно политично предложила она ему вазочку *pour les belles fleurs*. Он смутился, что-то пробормотал и заспешил уходить. Тогда, внимательно в него взглядевшись, она сказала ему, что он плохо выглядит. «*C'est le temps qui fait ça: tout le monde est gripper*». Она посоветовала ему купить эвкалиптовых листьев (на двадцать су дают большой пакет) и обещалась вечером приготовить ему превосходную *tisane*, которая его вылечит. Князь поблагодарил и пошел. Он не смотрел на встречающихся ему, даже вовсе не замечал их. Но вот в глаза ему бросилась забинтованная в марлю рука. Она была густо об-

ложена ватой и туго обвита бинтом, так что вместо руки получалась белая култышка. Вид этой руки потряс князя. В страшном волнении, совершенно не помня окружающего, остановился он перед овощной лавкой. Торговка, стоя на пороге, разговаривала с покупательницей. Князь слышал обрывок фразы: — Это один из ее приятелей ее угостил! — Обе женщины глядели вслед бородатой старухе с забинтованной рукой. Князь хотел слушать, но продавщица, прерывая разговор, любезно спросила, что ему угодно купить. Чтобы выйти из неловкого положения, князь неопределенно ткнул в груды овощей. Торговка сейчас же догадалась, что *monsieur* хочет купить тыквы. Сколько он желает взять? Князь не решился возразить, хотя тыква была ему и не нужна. Он сказал, что возьмет одну. Ведь он не подозревал, что этот овощ продается кусками. Безропотно взял он огромную тыкву под мышку, расплатился и пошел. Не к антикварию, конечно, — куда же было девать тыкву? — а домой.

Взглянув на него, *madame Meterry* всплеснула руками. Сначала ее удивила тыква, но лицо князя было страннее тыквы. «Ah, *monsieur le prince* совсем расхворался!» Купили *monsieur des feuilles d'eucalyptus*? Нет? Но в таком случае, она одолжит ему. У нее еще сохранилось немного. Она сейчас приготовить ему эту *tisane*.

Чтобы отделаться от нее, князь залпом выпил приготовленное доброй женщиной отвратительное пойло.

— Вот и отлично! — воскликнула она. — А теперь лягте-ка и постарайтесь согреться!

Князю ничего не оставалось, как исполнить ее волю. Впрочем, он так был потрясен «неожиданным открытием», что и сам не чувствовал в себе силы сейчас же идти т у д а.

Лежа, он стал обдумывать случившееся, вспомнил наемки библиотекаря на какую-то даму, которой метла приличнее цветов... Тут внезапно поразила его совершенно чудовищная догадка. «А что, если и о н а заодно с н и м и ? С кем “с ними”? Ну, со старым хамелеоном, разумеется. И... и с остальными. Нужно быть слепым, чтобы не понимать, что это целая, очень, вероятно, могущественная организа-

ция. Мировой трест дьявольской вечности. О, если так...» — Князь вскочил с кровати и быстрыми решительными шагами отправился к антикварию.

19.

Вольтер разрушает иллюзию

Всю дорогу он волновался и спешил. Но перед лавкой его опять охватило малодушное колебание. Сделав над собой большое усилие, он вошел.

В лавке было темно и тесно. Старые бюро, шкафы красного дерева, картины и гравюры в золоченых рамах занимали ее почти всю.

— Господину угодно? — кланяясь, спросил Вольтер. Он прекрасно узнал князя и в душе смеялся.

— Мне понравилась здесь... — непринужденно начал князь и вдруг запнулся. — Одна... одна... дама. — Сказав это, выдающее его с головой, слово, он совсем потерялся. Но антикварий на слово внимания не обратил, замешательства не заметил.

— А! — сказал он равнодушно. — Не эта ли? — Он запустил руку за большую, стоявшую на полу картину и за ноги вытащил оттуда куклу. — Вот, извольте!

О, это была ужасная минута. Любимая женщина, та, о которой он так страстно, с такою нежностью мечтал, на его глазах обращалась в неодушевленный предмет, в игрушку! Князь побледнел и отвернулся.

— Прелестная вещица, — вертя ее в руках, сказал антикварий. Нигде pour se prix вы не найдете ничего подобного. — Он назвал цену. Запросил, конечно, бессовестно. Князь молча вынул бумажник. Была одна мысль: поскорее уйти. По счастью, нужная сумма — очень по его средствам значительная — у него оказалась. Он заплатил и, не дав

продавцу завернуть покупку, выхватил ее у него из рук и побежал вон.

Он бежал домой, сгорая со стыда и готовый провалиться. «Кукла, кукла!» повторял он себе с ядовитым отчаянием. «А я... я любил ее! Я покупал для нее цветы... Писал письма... К мессье Жоржу нарочно заходил... О, какой стыд, какое унижение!»

Наконец, он опомнился и с ужасом заметил, что несет куклу незавернутой. Возвращаться к антикварию не хотел. Как быть? Он запрятал ее себе под пальто. Madame Meterry, увидав своего князя, — она ужасно ругала себя, что не посмотрела и дала ему выйти — разахалась: разве можно выходить в такую погоду, приняв *tisane d'eucalyptus*? Но на лице князя было такое страдание, что она не стала его задерживать. Конечно, она прекрасно заметила: он что-то прятал под своим пальто. Сопоставляя это со вчерашними цветами и давешней тыквой, она только головой покачала. «В конце концов, пожалуй, и правду говорили *les anciens officiers*, что у бедняги в голове не все в порядке», — подумала она с огорчением.

А князь затворился у себя. Никто не должен был видеть его позора, но сам он хотел вдоволь над самим собой посмеяться. Он посадил куклу на стул, положил ей на колени купленные накануне цветы и, отступив шага на два, отвесил ей глубокий и почтительный поклон.

Карикатурные подробности этой смешной, маникальной любви, комизм вчерашних романтических переживаний и в заключение — позорная глупость теперешней сцены!

О, это уж слишком, слишком!

Вдруг ему показалось... — Какое показалось, он слышал ясно — кто-то здесь же, совсем близко, прыснул сдавленным смехом. Смех был знакомый, он сейчас и же узнал его. Оглянувшись по комнате, но никого не было. Дверь он, войдя, затворил и только окно — о нем он не подумал — оставалось открытым настежь. Он подбежал к нему и сразу же, в сумерках вечера, увидел стоявшего на противоположном тротуаре человека. Из-за шторы, чтобы тот не заметил, князь пристально в него взгляделся и, узнав, почувствовал,

— как это ни странно может показаться, — почувствовал даже радость.

Быстро высунувшись из окна, он негромко позвал:

— Господин библиотекарь, идите сюда!

Тот, будто только приглашения и ждал, перешел улицу.

— Вот вам ключ, — сказал князь и бросил на тротуар большой старый ключ входной двери. — Но только постарайтесь не шуметь. Я бы не желал, чтобы хозяйка вас видела.

Старик молча поднял ключ. Князь бросился к ней, Он хотел было спрятать ее, но сейчас же, рассердившись, подумал: «Зачем, пусть видит».

20.

Тихий гость

Через секунду библиотекарь, не постучав, отворил дверь. Он ступая до такой степени неслышно, что это даже удивило князя. Сам он никогда не мог бы так ступать, без малейшего шороха. Стул он тоже ухитрился отодвинуть беззвучно. Во всем, что он делал, во всех движениях была какая-то поразительная легкость.

— Ну-с? Что вам от меня угодно? — садясь и пристально глядя на князя, спросил гость, как дыхание, тихим голосом.

— Мне? — Князь чувствовал странную спутанность мыслей. — Что мне угодно? А вот мне прежде всего угодно знать, почему вас нынче совсем не слышно, — он сказал это в далеко не любезном тоне.

— Вы же сами просили меня не шуметь.

Князь нахмурился.

— Предположим. Но, войдя сюда, вы, насколько я заметил, не поклонились. Это неучтивость. Я обращаю ваше

внимание на то, что здесь дама.

Говоря, князь по лицу библиотекаря старался понять, что тот об этом думает.

— Под словом «дама» я всегда понимал существо до некоторой степени одушевленное, — в тоне деловой поправки заметил библиотекарь.

Князь засмеялся.

— А помните, вы говорили, что я рожден под знаком Венеры?

— Я и не отказываюсь. — Библиотекарь тонко посмотрел на князя. — Что же касается объекта, то... Объекты, уверяю вас, бывают иногда чрезвычайно странные. Впрочем, позвольте рассказать вам один анекдот. Не слишком веселый, правда. Но зато очень кстати. Можно?

— Сделайте одолжение.

— Я, кажется, говорил вам, что у меня была дочь.

— О, да. Как же. Я любовался у вас ее произведениями.

— Любовались? Вам, может быть, не известно, князь, что дочь моя была больна.

— Я слышал. Какая-то операция...

Библиотекарь очень нахмурился.

— Нет. Болезнь была чисто психическая. Это ведь и по картинам видно. Откуда эти темы? Почему всегда чудовищное? А потом вдруг бросила краски, стала хандрить. «Живопись меня не удовлетворяет. Мне нужно более телесное искусство». Занялась скульптурой. Тоже бросила. Все не то. Я должна создать нечто совершенно плотское. Живое, но бездушное. У вещей, отец, есть бессмертие, это их преимущество перед нами. Если художник дает им жизнь, они становятся богами. Я сделаю себе бога. — Библиотекарь засмеялся каким-то хилым, расслабленным, но полным желчи смехом. — И что же бы вы думали? В тот же день она заперлась у себя в мастерской и начала работать над созданием такой «живой вещи». «Это будет нечто гениальное, — говорила она. — Я обессмерчу себя, сделав бога. — Библиотекарь опять желчно засмеялся. — Мы и тогда, конечно, знали, что это бред. Но слушайте дальше, слушайте. Когда она умерла, — говорить об обстоятельствах ее смер-

ти сейчас не буду, — когда она умерла, мы с доктором в тот же день отправились в ее ателье. Ключа мы так и не нашли. Пришлось взломать замок. И вот, когда мы взломали его и вошли... — Библиотекарь вскинул на князя глазами. — Тогда... Что бы, вы думали, мы там увидели? Гениальное произведение? Ах, это, как мы и ожидали, оказалось только бредом сумасшедшей. Я не видал зрелища более жалкого. Представьте себе, князь, что там... в этом пустом, холодном ателье, среди пестрых лоскутьев и обрывков валялась самая обыкновенная, сделанная из тряпья...

Князь, во все время рассказа не спускавший глаз с куклы, теперь вдруг увидел, что она, как бы внезапно вздрогнув, запрокинулась назад и упала на пол. Возможно, что библиотекарь толкнул ее стул. Она упала прямо к его ногам. Князь видел, как тот с брезгливым отвращением ее отпихнул. С минуту оба молчали.

— Я всегда знал, что это — вампир, — задумчиво сказал князь.

— Именно — вампир. Вещи не только живут, они обладают способностью отнимать жизнь. С моей бедной Нини это и случилось. Она бы не умерла, если бы не несчастная, маниакальная любовь к этой игрушке.

Князь долго молчал. Разгадка, разгадка всего, которую он так давно и безуспешно искал, она была тут. Совсем близко. В этой необычайной и страшной истории маленькой Нини.

— Скажите, — спросил он, не успев обдумать своего вопроса, — правда ли, будто, как я слышал, ваша дочь умерла по вине какого-то шарлатана?

— Шарлатана? — в бешенстве вскричал библиотекарь. Конические глаза его хотели, казалось, выскочить из-за стекол очков.

— Выбирайте ваши выражения, уважаемый князь. Я не позволю так отзываться о моем лучшем друге!

— Я, право, не думал, что он ваш друг, — начал князь. — Я ведь ничего не знаю. Повторил, что слышал. Я был уверен, что вы сами должны ненавидеть человека, по вине которого умерла ваша дочь.

— Моя дочь умерла по своей собственной вине! — с прежней запальчивостью перебил библиотекарь. — А лечил ее, повторяю, мой друг, венский профессор, мировая знаменитость. Нини, конечно, была бы жива, если бы ей не вздумалось сделать глупость...

— Она... Она лишила себя жизни? — спросил князь, мгновенно почувствовав боль в спине и головокружение. Такое именно чувство испытываешь, стоя на краю и глядя в пропасть.

— Но это уже слишком! — вставая, закричал библиотекарь. — Это издевательство! Как смеете вы задавать подобные вопросы? По какому праву! Я отказываюсь говорить с человеком, который не способен уважать семейные тайны другого!

Он бросился к двери, рванул ее, выскочил вон и с силой ее за собой захлопнул. Опять не раздалось ни малейшего звука.

Князь несколько секунд просидел в совершенном оцепенении. Как тогда, как на скамейке под липами. Он не мог вскрикнуть, не мог встать, не имел силы пошевелиться. На этот раз даже мыслей у него в эти первые секунды не было. Библиотекарь, казалось, унес с собой и его самого, или, по крайней мере, какую-то очень существенную его составную часть. Пружину, которая приводила его в движение. Способность думать, чувствовать, двигаться вернулась к нему опять мгновенно. Он вскочил, сорвал с вешалки пальто и шляпу и выскочил в коридор. Наружная дверь оказалась, однако, заперта. В кармане пальто, куда он обыкновенно клал ключ, князь не нашел его. Тут он вспомнил, что выбросил его библиотекарю. Тот, стало быть, унес его. Князь опять вбежал в комнату и, с трудом цепляясь за подоконник, полез в окно. Догнать библиотекаря сейчас же, немедленно, было необходимо. Князь чувствовал, что иначе он пропал.

21.

Visite nocturne

«Он не мог далеко уйти, он здесь где-нибудь» — на бегу думал князь. — «Я его сейчас догоню». Однако, не догнав, добежал до библиотеки. Запыхавшись, поднялся по лестнице. За дверью света не было. «Так и есть — он спрятался от меня за каким-нибудь забором» — подумал князь, но все-таки постучал. Никто не ответил. Он постучал вторично.

— Кто там? — откашливаясь и, слышно было по голосу, еще не вполне проснувшись, спросил хозяин. Внутри зажгли свет.

— Это я, *monsieur*. Пожалуйста, откройте.

— *Mais voyons*, что случилось? — шаркая туфлями, спросил старик.

Дверь отворилась. Библиотекарь в теплом халате удивленно смотрел на князя.

— Ah, милый князь! *Charme*, конечно, однако, должен заметить, что уже несколько поздно. *Allons*, чему я обязан этим *visite nocturne*?

— Ведь вы сами только что были у меня, — произнес князь.

— Я? Помилуйте, дорогой друг. Я спал крепким сном. Я болен. Совсем *grippe*. Я ставил себе сегодня банки. *Voyons, pour en finir*, в чем дело?

— Послушайте, — схватывая его за руку, вскричал князь, — послушайте, неужели вы в самом деле решаетесь утверждать, что сейчас, не дальше как четверть часа тому, у меня не были?

— А вы видели меня? — очень заинтересовался библиотекарь.

— Так же ясно, как вижу теперь.

— Да, если та-ак... — протянул библиотекарь, во все глаза глядя на князя через свои круглые очки, которые он надел и придерживал двумя пальцами каждой руки. — Если так, если вы меня действительно видели...

— Повторяю, я видел вас так же отчетливо, как сейчас. Слушайте, умоляю вас, бросьте хитрости. Я знаю. Я ведь все теперь знаю. Я ясно вижу все ваши планы, всю ту сложную сеть, которой, как паутиной, вы меня опутали. Вы фанатик. Вы почти маньяк вашей идеи. Для вас жизнь человека ничего не значит. Если уж дочери не пожалели... Слушайте, скажите прямо, почему опыт с нею не удался? Должен же, должен же я, наконец, знать! — Князь весь трясся. Бледное лицо его было страшно. Холодными, потными руками он то и дело ловил руку библиотекаря. — У вас все тайна. Вы завлекли меня своими рассказами. Гондвана, злые карлики, путь змия — все это нужно вам было, чтобы подлым обманом завербовать меня для ваших гнусных опытов. То же самое было, конечно, и с ней. Вы заманиваете людей бреднями о человекобоге, а потом...

— Вы боль-ны. Вы просто напросто боль-ны, — отдельно проскандировал библиотекарь. — Все, что вы сейчас говорили, сплошной бред. Я, правда, имел неосторожность поделиться с вами некоторыми... совершенно теоретическими научными гипотезами. В чем очень раскаиваюсь. Я, впрочем, не виноват, что ваша бредовая фантазия...

— Так вы не говорили о человекобоге, о том, который первый заявил «великое своеволие»? -- перебил князь.

— Ни полслова.

— И ко мне вы этой ночью не приходили?

Библиотекарь рассмеялся.

— Визиты я делаю только днем, ночью же я имею обыкновение спать у себя в кровати. Хотелось бы, чтобы и вы, мой дорогой, усвоили себе эту благородную привычку.

— Давайте ключ! — нетерпеливо потребовал князь: он понял, что все равно ничего не добьется,

— Какой ключ?

— Ключ от моей входной двери. Мне, по вашей милости, через окошко вылезать пришлось.

— Я никакого ключа у вас не брал! Оставьте меня! — в свою очередь теряя терпение, закричал библиотекарь. — Оставьте меня, наконец! Сумасшедший! — Он почти выпихнул князя за дверь, захлопнул ее и повернул ключ.

Ночная бабочка

На дворе была туманная белёсая ночь. Газовые фонари, расплываясь тусклыми пятнами, едва маячили.

После бестолкового, все совершенно запутавшего разговора с библиотекарем, князь чувствовал себя неспособным что-либо обдумывать. Он брел без мыслей, в каком-то тупом полузабытье.

В узком темном переулке, пробираясь ощупью вдоль стен, он вдруг на кого-то натолкнулся.

— *Merde!* — выругалась женщина.

— Пожалуйста, извините! — вежливо, приподнимая шляпу, сказал князь.

В темноте он с трудом различил очертания ее худого тела. Она была легко, не по-зимнему, одета, без шляпы. Темные стриженные волосы падали на глаза. Князь подумал, что она, верно, уже давно таскается по улицам среди тумана в напрасной надежде найти мужчину, который бы согласился взять ее. Он хотел уйти, но вдруг почувствовал, что уйти нельзя. Что-то такое нужно ему было сделать.

— Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен? — спросил он.

— Полезен? — женщина, движением головы отбросив со лба волосы, подняла на князя свое некрасивое, истощенное и бледное лицо. Она, очевидно, не поняла. Не слов его, но непривычного ей со стороны мужчины тона. — *Tu ne veux donne pas de moi?*

Князь как-то не вслушался в вопрос. Его поразило глос. Низкий, немного осипший от ночной сырости, как бы надорванный и все же грудной и милый, он возбуждал симпатию и жалость.

Князь опять — сильнее — почувствовал, что оставить ее здесь одну нельзя. Что она нуждается и ждет помощи. Мол-

ча взял он женщину под руку и, не обменявшись с нею больше ни одним словом, повел ее к себе.

Только перед дверью дома он опомнился. Во-первых, — *madame Meterry!* Что скажет честная вдова, увидав его с этой женщиной? Во-вторых, — запертая дверь. Не приглашать же ее лезть через окно. Положение казалось безвыходным. Но тут он вдруг увидел лежавший на тротуаре ключ. Старик его, очевидно, потерял или намеренно подбросил. Стараясь не шуметь, князь пропустил женщину вперед и запер за собою дверь. Лампа, которую второпях он забыл погасить, ярко освещала пустую комнату. На столе валялись увядшие цветы. Было сыро. Неприятно пахло перегаром остывшего камина.

— Холодно чертовски, — устало опускаясь в продавленное и рваное — единственное в комнате — кресло, сказала женщина. Князь заметил, что на ней легкое шелковое платье без рукавов.

— Я сейчас растоплю! — заторопился он. Сняв пальто и подойдя к ней сзади, он осторожно накрыл им ее обнаженные плечи.

Пока он растапливал, она сидела совсем смирно, подбрав под себя ноги и кутаясь в его пальто. В этом грубом мужском пальто она, со своими детски-беспомощными голыми руками и серовато-бледным, неправильным, но тонким лицом, казалась особенно хрупкой. Не изменяя презрительно-брюзгливого выражения, следила она за хлопотавшим князем. Его обращение, совершенно необычное, начинало ее, видимо, беспокоить.

— *Dis donc, tu vas me garder pour la nuit?* — осведомилась она деловито.

Князь смутился: не шедший к ней цинизм болезненно на него действовал,

— Если тебе этого не нужно, — с грубой точностью продолжала женщина, — так скажи: поищу другого. Потому что, *vois-tu*, в приятных разговорах я не нуждаюсь.

— Оставайтесь, — избегая на нее смотреть, тихо сказал князь. Теперь у него уже не было сомнения: какая-то тайная связь существовала между ним и ею.

— Ah, tant mieux. Для меня, в конце концов, все равно, будешь ли это ты или кто-нибудь другой. Ça revient au même. А выпить у тебя что-нибудь найдется?

— Я могу вскипятить чаю, — наивно предложил князь.

— Чаю? — Она приподняла правую бровь и наморщила лоб. — Dis donc, ты действительно так глуп, или только прикидываешься?

Достав из сумочки табак и бумагу, она скрутила себе папиросу, облизав, заклеила и потянулась за спичками.

— Ты скверно живешь! — сказала, держа папиросу во рту и критически оглядывая комнату. — Впрочем, для меня безразлично. — Она затынулась. Выпуская дым сквозь сжатые зубы, морщилась и щурила глаза.

— Тебе, небось, скучно со мною? — спросила, встряхивая головой. Этим, часто повторяемым движением, она словно что-то надоевшее отгоняла. — Раньше я была веселая. А вот с тех пор, как они ее у меня отняли...

— У вас был ребенок? — быстро спросил князь.

— Девчонка, — глухо ответила женщина. — Она мешала их планам, ты понимаешь...

Тут только князь взглянул в широко открытые глаза женщины. Светлые до прозрачности, они несли в себе крошечные черные точки зрачков. Кроме этих двух неподвижных точек, в них ничего не было. Они были пусты. Совершенно пусты. Князь с ужасом почувствовал, что глаза эти не могут плакать.

— Вы озябли, садитесь ближе к огню, — сказал он, чтобы вывести ее из ее летаргической неподвижности.

Она вздрогнула, словно он толкнул ее, встала, пододвинула кресло к камину.

— Ноги мокрые! — сказала хрипло.

— Снимите чулки. Можно высушить на камине, — предложил князь.

Она нагнулась под стол, чтобы разуться, но вдруг выпрямилась. Странное выражение судорогой прошло по ее лицу. Князю показалось, что там, под столом, она что-то увидела. Он сделал невольное движение, чтобы, подняв скатерть, туда заглянуть, но она, вскочив, резко крикнула: «Не тро-

гайте!» Шумно отодвинула кресло далеко от стола и снова с ногами на него взобралась. Не спуская глаз, опять с ледяной неподвижностью, уставилась она в одну точку пола. Князь осторожно заглянул туда из-за края стола. Там, раскинув ноги, валялась розовая кукла.

Эту немую сцену князь потом зарисовал. Женщина и кукла вышли у него вполне реалистично. Себя же самого он изобразил с руками, поднятыми к голове, охватывающим ее всеми десятью пальцами, как бы для того, чтобы не дать ей, подобно разрывной гранате, разлететься на части. Из головы, между пальцами, тянулись расходящиеся лучи, которыми князь, видимо, хотел символизировать происшедший в мозгу его взрыв. Картина получилась, поистине, потрясающая.

На самом же деле все произошло совсем иначе. Не только не было взрыва, но и никакого особенного шума или скандала. Напротив, князь — что бы с ним внутренне ни происходило — внешне очень спокойно поднял куклу и посадил ее к своей гостье на колени. Та, слабо вскрикнув, охватила ее руками, прижала к себе и, не то целуя, не то кусая, в нее впиалась.

— Это они подослали тебя? — страшным шепотом спросил князь. — А, понимаю: линия любви! Они думали, что если я... Что после того, как я с тобой... Сговорчивей буду? А? В этом ваш подлый план?

Женщина продолжала сидеть в прежней позе, свернувшись на кресле и не отрываясь от куклы.

— Погоди, — еще трагичнее зашептал князь. — Погоди, теперь ты должна все мне рассказать. Все, что они с тобой проделали. По порядку. Старик говорит — самоубийство. Но я ему не верю. О, я давно их подозреваю. Это целая организация. Мировой трест злой вечности. Говори, принуждали они тебя к самоубийству. Да говори же! Ты не выйдешь отсюда, пока не расскажешь всего!

Легкий стук в дверь прервал драматический монолог князя. Женщина, в безмерном испуге, вскрикнула: «Это он!» и стремительно бросилась к платяному шкафу. Князь успел подумать, что ей навряд ли удастся в него залезть:

шкаф был небольшой. Но вторичный стук не дал ему времени остановить ее. Он подбежал к двери, отворил и остановился в недоумении.

23.

Интервью

Вместо ожидаемого библиотекаря перед ним стоял молодой, хорошо одетый господин.

— Позвольте отрекомендоваться, — сказал гость, вежливо поднимая шляпу, причем оказалось, что голова его, как и ботинки, натерта ваксой до ослепительного блеска. — Я сотрудник местной газеты, пришел просить вас об интервью. Участие ваше в этом мирового масштаба предприятии, вы понимаете...

Князь, ничего еще не понимая, вглядывался в лицо. Лицо обыкновенное, приличное, пожалуй, даже красивое. Но как бы не свое, а лишь на время, напрокат у кого-то взятое. Преступнику было бы удобно иметь такое лицо: ни одной черты, которую можно отметить или запомнить. Кроме, разве, улыбки. Да, улыбка его имела одну особенность: другие люди поулыбаются и перестанут, а этот... У этого улыбка была до ужаса прочно приклеенная. Не отдерешь. Князь подумал, что дай он теперь вдруг, ни с того ни с сего, своему гостю пощечину, так и тогда она — эта подлая улыбка — все равно не отвалилась бы. До того она к лицу приросла, что сделалась его частью. Это князю очень не понравилось.

— Что вам нужно? — спросил он с несвойственной ему грубостью.

— О, всего пару слов. Всего только парочку. Завтра вас, несомненно, будут осаждать репортеры парижских газет. Так я спешил, чтобы быть первым. Разрешите, прежде всего: что вы думаете о большевиках? — Он быстро достал

записную книжку, отвинтил стило.

— О большевиках? — переспросил князь.

— Понимаю, понимаю, — закивал тот, торопясь записать. — Так. Теперь: какие папиросы вы изволите курить? Вообще не курите? Ах! Еще один, самый последний: что предпочитаете, звуковой фильм или радио? Как? Соединенные штаты Европы кажутся вам утопией? А проблема разоружения?

Задавая свои нелепые вопросы, он, в то же время, непрерывно строчил, хотя князь, совершенно пораженный, не промолвил буквально ни звука,

— Превосходно! — записав все, что сам он, по-видимому, тут же сочинил, сказал гость. — Теперь главное: как вы понимаете все это дело?

— Какое дело?

— Дело об убийстве проститутки Нини.

— Во-первых, я даже не предполагал, что она... — запнулся князь на неприличном слове.

— Было ли здесь, действительно, самоубийство? Как вам кажется?

— Я уверен, что нет! — вскричал князь.

— Да? Но кем же, в таком случае, могла она быть убита? И с какой целью?

В эту минуту князь увидел, что кожа надо лбом его собеседника довольно заметно передвигается сверху вниз и обратно. Тонкие, полупрозрачные и несколько оттопыренные уши его тоже шевелились. Движение ушей и кожи было органически связано с прочной улыбкой, заключало какое-то страшное ей объяснение.

«Это ихний же агент!» — в ужасе подумал князь.

— Если вы подозреваете убийство, то каковы же были его мотивы? — продолжал гость. — Кому, по вашему мнению, могла быть нужна ее смерть?

Князь, не слушая, напряженно, будто стараясь рассмотреть занозу, вглядывался в лицо собеседника.

«Если улыбка с этого лица сползет, то не иначе как вместе с кожей», — вдруг удалось ему схватить занозу.

— Это ты убил ее! — сказал он, радуясь, что сейчас вы-

тащит.

Улыбка — как и надо было ожидать — не отлипла. Только уши, внезапно окаменев, перестали двигаться.

— Я ведь сразу догадался, — сказал князь. — Как вошли. Репортер совсем иначе бы вошел. И такой вздор о фильме и о соединенных штатах ни один репортер не стал бы спрашивать. Совсем неправдоподобно.

— Ну что ж, раз уж вы такой догадливый, — согласился гость. — Я, признаться, о сохранении инкогнито не слишком и хлопотал. Этот маленький маскарад вышел у меня экспромтом: спешу к вам — по крайне важному делу, как вы сейчас убедитесь — и несколько озабочен тем, в каком виде перед вами предстану. Гляжу — журналист рысит. «Свободен?» — спрашиваю его (как, знаете, извозчика у вас в России). «Свободен», говорить. Ну, я, разумеется, и воспользовался.

24.

Наш гениальный современник

— Да сами-то вы кто такой? — нетерпеливо перебил князь. — И зачем вы по-немецки говорите? — Он только теперь заметил это. — А! да уж не о вас ли мне библиотекарь твердил: «наш гениальный современник» и прочее? А?

— Возможно. Во всяком случае, очень с его стороны любезно.

— Венский профессор, не правда ли? Может быть, даже господин доктор?

— *Honoris causa*. Но это вас ни в какой мере не должно стеснять. Мы отвлеклись немного. О чем, бишь, мы говорили? Да, я хотел сказать вам, что в высказанном вами относительно меня подозрении, вы очень ошиблись. Зачем же мне было самому руки марать, когда тут же папенька ее

находился?

— Библиотекарь?! — содрогаясь, вскричал князь.

— Ах, ничего трагического, уверяю вас. Семейное дело, в которое вам, как посторонним, не следует вмешиваться, да и времени у нас, как вы сейчас увидите, остается немного. Надо спешить, а потому в двух словах: вы, я слышал, отказываетесь?

— Отказываюсь! — закричал князь, — чем бы ни мне ни грозили! Хотя бы смертью!

— Помилуйте, зачем же столько и совершенно холостого пафоса? Давайте говорить хладнокровно. Какая причина вашего отказа? Почему? Вас, может быть, пугает неудача первого опыта. Так ведь его, собственно, и не было, этого первого опыта. Девчонка... Словом, она заупрямилась. И... Ну, вы меня понимаете. Нельзя же было позволить ей болтать. Вот и взвесьте, какая польза для вас теперь в отказе.

— Убьешь? — стараясь казаться спокойным, спросил князь.

Уши опять задвигались. Казалось, они вот-вот, вместе с улыбкой, сорвут с лица и кожу,

— Ну, полно, полно. Сейчас уж... Будто нет иных мер воздействия.

— В тюрьму? Пожизненное заключение?

— Вот трагический мужчина. Да разве мы с вами в Венеции во времена дождей живем? Я, впрочем, не спорю, и гарантировать, разумеется, не могу. Может, вас и точно за решетку посадят. Может, даже на цепь. Это случается. И нередко. С такими, как вы. Но, уж конечно, не я буду заниматься подобными пустяками. Я теоретик. Практику я предоставляю другим. Но к чему нам раньше времени говорить об этих крайних мерах? Постараемся лучше прийти к соглашению. Это для нас обоих будет всего удобнее. Время не терпит: дело в том, что мировой катастрофы приходится теперь ждать со дня на день. Может быть, с часа на час. Вот и судите, можно ли еще ждать. А риска, повторяю, никакого, — если боли боитесь, то лишь одна неприятная минута. Какое, меньше! Четверть минуты. Инструменты при

мне. Зачем откладывать? Говорю вам: завтра, может быть, будет поздно.

Князь слушал доктора и уже много раз испытанное ощущение потери своей воли опять овладевало им. Тот, пристально на него посмотрев, достал свою докторскую сумку и начал вынимать хирургические инструменты, марлю, вату, какие-то склянки.

Лицо его продолжало при этом улыбаться. Кожа надо лбом и уши медленно, механически передвигались.

«Это не лицо у него, а каучуковая маска», — догадался князь. Вместе со страшной догадкой пришла к нему воля. Правда, это была не прежняя разумная воля взрослого человека, а маленькое, проказливое своеволие глупого ребенка.

— Почему у тебя уши двигаются? — спросил он, спеша им воспользоваться.

Тот — как не слышал.

— Ну вот, сейчас все будет готово, — сказал, разложив инструменты.

— Хочу знать. Про уши, — упрямо повторил князь.

Доктор зажег спиртовку и поставил на огонь небольшой, принесенный им с собой платиновый тигель. Щипцами положил в него какой-то кусочек.

— Хочу, чтобы кто-нибудь тут был. Свидетелем, — продолжая ребячливо своевольничать, сказал князь. Хитро прищурившись, он посмотрел на возившегося с тигелем доктора.

— Что, не нравится? Боишься свидетелей? — он громко захохотал. Потом вдруг начал пятиться к двери, выставив вперед руки, словно защищаясь от совсем не нападавшего на него доктора.

Тот посмотрел удивленно.

— Я вас не трону, что вы. Зачем мне насилие, помилуйте: вы такой любезный человек, сами все, что для моих планов нужно, сделаете.

— А что для твоих гнусных планов нужно?

— Да что бы вы теперь ни придумали, все мне на руку будет.

— Будто?
— Уверяю вас.
— А если хозяйку позову?
— Сделайте одолжение. Это, может быть, даже самое для меня приятное.

— Лжешь! — вдруг изо всей мочи заревел князь. Подскочив к спиртовке, он опрокинул тигель. — Что, взял? К чертовой матери твою подлую вечность!

Содержимое с шипением пролилось на огонь. Поднялся густой пар. Пламя, затрещав, вспыхнуло. В оранжевом свете показалось обнаружившееся из под маски л и ц о. Это была секунда. Всего секунда. Безмерного предельного ужаса. Лицо мгновенно исчезло в тяжелых клубях одуряющего газа.

Вдруг князь почувствовал, что теряет под ногами почву. Сильный толчок подбросил его на воздух. Комната закачалась, как паровозная каюта. Электричество погасло. Среди наступившей темноты раздался треск и, зазвенев, посыпались осколки разбитого стекла. Дверь, с шумом отворившись, захлопнулась и опять отворилась. Все предметы в комнате, как бы внезапно ожив, сорвались с мест и с грохотом начали толкаться вокруг князя, увлекая в свою сумасшедшую пляску и его. Шум обратился в чудовищный гром и рев. Казалось, будто рушатся дома, будто воеет расшвирупевшее море. Новый удар сбил князя с ног. Падая, он изо всей силы ударился обо что-то головой.

«Это конец. Это гибель мира!» — успел он еще подумать и потерял сознание.

25.

Последняя попытка спасти мир

Когда он пришел в себя, было по-прежнему темно. Но совершенно тихо. Ушибленная голова болела. Вспомнив

катастрофу, он судорожно вцепился в первый попавшийся под руки предмет. Это оказались перила. Ощупав вокруг себя, он убедился, что лежит на ступенях лестницы. Европа, стало быть, еще не провалилась. Во всяком случае, не вся. Эта догадка не слишком обрадовала князя.

«Его фокусы! — подумал он. — Проходимец просто-напросто меня надул: мировую трагедию подменил фарсом. Однако, нельзя терять ни минуты: я немедленно должен вывести его на чистую воду!»

Он встал и на цыпочках прокрался наверх.

— *Madame Meterry, madame Meterry!* — зашептал он, стуча к ней в дверь. — Умоляю вас, отворите!

— Что такое? Что случилось? — спросила разбуженная старуха.

— Отворите!

— Это вы, *monsieur le prince*? Сейчас, сейчас. Вот только платье накинута.

— Не надо платья! Идите так, скорей!

— Ах, Боже мой, да что же случилось?

Полуодетая, раскосмаченная старуха, громко причитая, выскочила в коридор.

— Тише! Не кричите! Он может услышать, — остановил ее князь. — Идите за мной, мы его накроем. Он потащил ее за руку. Продолжая нелепо спрашивать и нелепо отвечать, толкаясь и мешая друг другу, они крадучись спустились с лестницы. Князь припал к замочной скважине своей двери. Потом осторожно приотворил ее на узкую щелку. Наконец, как бы решившись на рискованный шаг, отворил совсем и вошел. *Madame Meterry*, ничего не понимая, — за ним, Минуту князь с оторопелым видом озирает пустую комнату. Потом бросился к платяному шкафу, отворил настежь обе створки. Ничего там не найдя, стал на четвереньки, чтобы заглянуть под кровать. *Madame Meterry* в печальном изумлении за ним следила.

— Улизнул! — вставая, сказал князь.

— Кого вы ищете? — упавшим голосом спросила старуха.

— Через окно, — пояснил он. И вдруг странно засмеялся.

— Ах, *monsieur le prince*, — с искренним огорчением вскричала старуха, — успокойтесь, прошу вас! Никого же нет. Вам показалось. Вы нездоровы, дорогой меcье, ах, вы очень нездоровы!

Ее участие болезненно, сверх меры подействовало на князя. Громко всхлипнув, припал он к ее плечу и, сотрясаясь, обнимая насмерть перепуганную женщину, стал умолять защитить его от чьих-то ужасных козней. *Madame Meterry*, сама чуть над ним не плача, уговаривала и успокаивала его, как ребенка. Но он вдруг поднял с ее плеча голову, насутился и погрозил ей пальцем. Потом пошел к вешалке, стал надевать пальто.

— Куда вы, князь? Теперь ночь. Куда вы? — пыталась она удержать его.

— Т-с-с! — со строгим видом обернулся он к ней. — Молчи, старуха! Нельзя терять ни минуты. Я иду в префектуру. Этот доктор, библиотекарь и проститутка Нини. Вот уже трое. Остальных откроет следствие.

С этими словами он вышел.

Эпилог

Недавно мне случилось быть на одной выставке. До выставок я не охотник вообще, меньше всего люблю картины: от рассматривания пейзажей, портретов неизвестных мне людей и голых женских тел у меня почему-то очень скоро затылок начинает болеть.

Но эта выставка была совсем особая. Рисунки карандашом, акварелью, масляными красками, скульптура, резьба по дереву — все поражало необычайной силой восприятия, непосредственной оригинальностью передачи. Это была выставка работ душевнобольных.

Порывшись в папках, я нашел и рукописи. Одна из них — довольно объемистая тетрадь — оказалась написанной

по-русски. На заглавном листе крупно и старательно было выведено:

ЗЛАЯ ВЕЧНОСТЬ (мировая трагедия)

Посвящается господину президенту республики, его святейшеству папе римскому, всем монархам и правителям мира. Всем государствам. Всем народам.
Всем. Всем. Всем.

Тетрадь содержала много ярких и странных по содержанию иллюстраций, частью пером на полях, частью на отдельных страницах, акварелью. Был тут широко, в непомерном ужасе открытый глаз с крошечным черным зрачком; была кукла в розовом и бородатая ведьма, и господин в жутко улыбающейся каучуковой маске. Под этим последним стояла — почему-то французская — подпись: «*Sa majesté monsieur le diable*». Были и целые сцены, нарисованные наивно, но полные движения и трагизма. Почти во всех присутствовал высокий бледный господин с острой бородкой и породистыми руками. Читая рукопись, я понял, что это автопортрет.

Не надо, конечно, и прибавлять: все описанные мною необычайные факты и приведенные выше фантастические теории, научная ценность которых остается под сомнением, заимствованы мною из этой тетрадки.

На последней ее странице, карандашом и совсем уже изменившимся, нетвердым почерком было нацарапано:

«Гибнем! Спаси нас от злой вечности!»

Приложения

**Рецензии на повесть
«Злая вечность»**

Петр Пильский

Загадками, мистикой, неясностями, пророчествами наполнил свою повесть Георгий Песков («Злая вечность»). Внушительен подзаголовок «Мировая трагедия». Говорят о кончине Мира, о крушении Европы. В центре повести — таинственный князь, его любовь к женщине, к ее фантастическому перевоплощению в кукле антикварного магазина. Предсказания мрачны и тяжки. В музее — картина, изображающая банкет: мундиры, фраки, шампанское и — бесконечная усталость, невыразимая мертвенность. Но и все вещи, все картины этого музея похожи на предметы, собранные на стол вещественных доказательств — все безмолвно свидетельствовало о некогда совершившейся трагедии. Но мировая трагедия еще придет. Мы — накануне мировой катастрофы. Повсюду — тревога и жуткое наслаждение. Европу ожидает участь Атлантиды и Гондваны. Европа окружена роковыми кольцами надвигающейся катастрофы.

Повесть не кончена, ее первую часть я старался передать точно. В ней что-то есть. Не будем говорить о ее литературных достоинствах, еще больших недостатках. Но тревога разлита по этим страницам не случайно. В этих предречениях чуются отголоски нашего шаткого дня. Эту повесть можно было бы привести в связь с «Атлантидой — Европой» Мережковского. Да, и время знает, чем оно болеет, по крайней мере, это чувствует. Бреды и сны не напрасны. Вдруг в размеренной тишине мира прорывается упрямый шепот, — предостережение или плач, туманы разрезает острый луч закатывающегося, падающего солнца, в литературу пробивает себе путь жадная, насторожившаяся тема, и ее бессознательно ловят слух и сердце, философ, поэт и повествователь. От нее можно прятаться, от нее нельзя уйти. Вчерашние призраки иногда становятся завтрашней историей.

С самого начала можно было догадаться, что пред нами сумасшедший. Продолжение только убеждало в этом, конец поставил точки над «і»: да, князь — помешанный. Все, что ему снится, чем он бредит, что встречает — только его призраки. Речи, обращенные к нему, — плод расстроенного воображения. Пророчества о гибели мира, убийства, беседы с загадочным библиотекарем, страшная ведьма, торгующая галантереей, взрыв тигля, теория о вечности, об омоложении души, все оказывается выдумкой безумного.

Но сам автор этой повести («Злая вечность») во многом из этих предречений хочет видеть некую неизбежную грозящую реальность. Во всяком случае это могло казаться в первой части. Сейчас, в своем продолжении, повесть, устами странного библиотекаря, говорит о вытравлении душ, как есть умерщвление плоти. Душа должна умереть, выйти из тела, но, покидая его, «душа не умирает»: смертью тела она приобщается вечной жизни. Только смертью души может быть куплено бессмертие тела.

Библиотекарь предлагает и чрезвычайно простой способ, чтоб осуществить этот фантастический опыт: несколько капель снотворного, затем немедленно зондом вводится в сердце необычайно сильный возбудитель. Реакция мгновенна, сердце тотчас же начинает снова функционировать, и, таким образом, «мы просто-напросто будем прививать бессмертие, как “оспу”». Библиотекарь пророчит, что иметь душу скоро будет неприлично, и с ней станут поступать, как с отростком слепой кишки, — вырезать, как атавистический орган.

К галлюцинирующему князю приходит интервьюер, но и тут кончается плохо. Двигая ушами и лбом, он достает почему-то докторскую сумку, вынимает хирургические инструменты, марлю, вату, склянки, зажигает спиртовку, ставит на огонь большой платиновый тигель и кладет в него щипцами какой-то кусочек. Происходит катастрофа, раздается треск со звоном, падают осколки разбитого стекла, все предметы в комнате срываются с места и шум превращается в чудовищный гром и рев.

Все это было бы, действительно, страшно, если б случилось на самом деле. Но все происшествия, и рассуждения, и человеческие маски, сны, полуявь, беседы, теории оказываются видениями и призраками сумасшедшего человека; «Злая вечность» — заглавие его тетради. Свою «мировую трагедию» безумец посвящает господину президенту республики, его святейшеству папе римскому, всем монархам и правителям мира, всем государствам, всем народам, — всем, всем, всем. Тетрадь заканчивается призывом: «Гибнем! Спаси нас от злой вечности!». Азартный, рискованный, трудный замысел автором проведен и развит острожно. Минутами даже как будто веришь всем этим бредням, приемлешь дикий хаос этих идей, предчувствий и предсказаний. Я уже говорил (по поводу первой части), что мотив «Злой вечности» не случаен. Это не простая забава воображения, не только авторский каприз. Основная мысль подсказана самой эпохой, нашими содрогающимися днями, зыбкостью современного мира, пророчествами его гибели, — их высказывают не одни сумасшедшие, — над этим сейчас размышляют философы, историки и социологи. В этом смысле повесть нужно признать злободневной. Ее автор не только выдумывает, но и многое чувствует. Невидимые веяния бередят многие сердца, — поэты и писатели только откликаются, как всегда первые чувствительнейшие приемники, ухватывающие слухом и чутьем дальние шумы, тающиеся грозы, надвигающиеся потрясения.

Георгий Адамович

Бывают, разумеется, произведения, которые иначе как в нескольких номерах поместить невозможно... Но не всегда у редакции «Современных записок» есть это оправдание. Например, в последней книжке — повесть Георгия Пескова «Злая вечность»: тридцать пять страничек и — «окончание следует». Повесть умная, интересная: неужели в толстом, увесистом томе не нашлось еще нескольких десятков страниц для нее? <...>

«Злая вечность» Георгия Пескова помещена в одной книжке с «Подвигом» как будто для контраста. Действительно, контраст разительный... Даже странным кажется, что в одно время и в приблизительно однородной среде появляются вещи настолько во всем противоположные. Песков и его повесть — полностью еще в старых русских проклятых вопросах: о Боге, о вечности, о грехе, о смерти... Влияние Достоевского заметно даже в интонациях некоторых фраз (например: «с мыслью о смерти примириться нельзя, князь!» — так и кажется, что в ответ «тихо улыбается» князь Мышкин). Нельзя назвать «Злую вечность» выдающимся художественным произведением: герои повести больше разговаривают, чем живут... Но зато разговоры они ведут живые. Все это, конечно, уже было сказано. И не раз. Но важно ведь не то, чтобы человек непременно думал о чем-либо новом, а чтобы он о старом и неразрешенном думал так, как будто оно, это старое и неразрешенное, впервые именно ему и представилось. Кто упрекнет Георгия Пескова в элементарности размышлений, должен бы иметь в виду, что его герои бродят вокруг да около таких вопросов, которые в ответ только две-три простейшие догадки и допускают.

Мне уже приходилось говорить о «Злой вечности» Георгия Пескова. Заключительная часть этой полужанрового повести производит то же впечатление, что и первые главы. Вещь его интересная, страстная, витающая вокруг подлинно серьезных вопросов и тем — и, несмотря на некоторую аляповатость в их разрешении, нисколько не оскорбительная. Вещь в целом, конечно, неудачная, проигранная, но автор рискнул — и уже одно это хорошо! Какой-нибудь ювелирный «этюдик» читаешь с удовольствием и тут же сразу забываешь. «Злую вечность» трудно читать, не морщась, но сознание ею задето, и не напрасно.

«Побег» Осоргина и «Злая вечность» Георгия Пескова (с многообещающим подзаголовком «Мировая трагедия») лишний раз подтверждают, сколь опасно людям, воспитанным в так называемых заветах «реалистической» литературы, пускаться в темные и плохо исследованные области оккультизма. <...>

Не менее подозрительным кажется нам поползновение Георгия Пескова разрешить судьбу одряхлевшего земного шара. В кратком предисловии к своей пророческой повести он просит о снисхождении, признаваясь в том, что тема «сложна и обширна...». Тема действительно сложна и обширна, именно поэтому нет основания для снисхождения к автору. В повести своей Песков знакомит читателя с «Вещим Олегом», русским князем, живущим в глухом провинциальном французском городке и занимающимся на досуге оккультизмом. Женственный облик князя напоминает нам «теософских теток», о которых писал в своих воспоминаниях Андрей Белый, утверждающий, что в мире существует не только Вечно-женское начало, но и «Вечно-теткинское». Князь этот в повести Пескова столь бледен, что автор о нем почти ничего не может сказать, кроме того что он аккуратно стрижет бороду, живет одиноко и в бытность свою в Париже влюбился в восковую куклу в витрине «галереи Лафает» (сюжет заимствован у Гофмана, если не у Петра Потемкина).

Все рассуждения о скорой гибели мира вложены в уста библиотекаря, родственного также гофмановскому книжечю из «Золотого горшка». Подзаголовки: «Второе Зрение», «Трагическое будущее Европы», «Под знаком Венеры», «Плюс и минус Бесконечность» — вызывают лишь нездоровое любопытство. Сведения, которые Песков дает воспаленной любознательности читателя, чрезвычайно скудны, «оккультные источники автора» вряд ли богаты живой водой...

Георгий Песков

**Автобиографическая заметка и ответы
на анкету «Калифорнийского альманаха»**

Георгий Песков.

Автобиографическая заметка

Пишу я с раннего детства, преимущественно в форме коротких рассказов. В это время (5-8 лет) на меня имели влияние Лермонтов (особенно стихотворение „Мицри“ и Гоголь („Вечера на хуторе“). В ранней молодости сильное впечатление произвели некоторые рассказы Тургенева („Рассказ о. Алексея“, „Сон“); из иностранных писателей—Э. Поэ и (отчасти) Гонсманс. Со времени революции прекращается почти всякое литературное влияние на мое писание: то, что меня всегда влекло (мистическое восприятие мира) и что только изредка встречалось в литературе, стало открываться в жизни. Все мною с того времени написанное является результатом наблюдений этой мистической жизни.

Список напечатанных произведений Георгия Пескова.

„Памяти Твоей“, книга рассказов в изд. „Совр. Зап“, 1930 г.		
1. Гонец	журн. „Звено“	1925 г.
2. Что тебе до меня, Иисус?	—	—
3. Покупательница.	—	—
4. Вера, Надежда, Любовь.	—	—
5. Шимпанзе.	—	—
6. Бабушкина смерть	—	—
7. Елка.	—	—
8. Чулан.	—	„Дни“ —
9. Тринадцатый	—	— 1926
10. Свидание.	—	„Звено“ —
11. Валькирия.	—	„Перезвоны“ —
12. Фокс.	—	—
13. В театре.	—	„Дни“ —
14. Егор Егорович.	—	—
15. Шурик	—	„Новый Дом“ —
16. Курносая.	—	„Звено“, —
17. Бабушкины часы.	—	„Посл. Нов“ 1927
18. Генеральшин мопс.	—	—
19. Жилец.	—	„Звено“ —
20. На шестнадцать квадратных аршинах	—	„Посл. Нов“ —
21. Луиза Осиповна и ее кофер.	—	—
22. Тридцатое царство.	—	—
23. Свадьба Лили.	—	—
24. Обезьяний рай.	—	—
25. Молчаливый.	—	— 1928

26. Памяти твоей.	—	„Совр. Зап“	—
27. Страхи	—	„Посл. Нов“	—
28. Пробуждение.	—	„Посл. Нов“	1928 г.
29. Рыжий.	—	—	—
30. Криничка.	—	—	—
31. Отрезанная нога.	—	—	—
32. Черви козыри.	—	—	—
33. Дедушка и Сервус.	—	—	—
34. Преступление старого кюре.	—	—	—
35. Ремесло.	—	—	—
36. Кавалергард.	—	—	—
37. Кум	—	„Совр. Зап“	—
38. Товарищ Мурин.	—	„Посл. Нов“	—
39. Бабушка Боннева.	—	—	—
40. Нарциссус поэтикус.	—	—	—
41. Бутылки святого Гра.	—	—	—
42. Козы.	—	—	—
43. Посетитель в серой паре.	—	—	—
44. Бессонница.	—	—	—
45. Компанион.	—	—	—
46. Вовина мама.	—	—	—
47. Мертвый сон.	—	—	—
48. Новое счастье.	—	—	—
49. Злая вечность	—	„Совр. Зап“.	—
50. Первый опыт.	—	„Посл. Нов“.	—
51. Конрад Мейстергаузен.	—	„Иллюстр.Россия“	—
52. Богодел.	—	„Посл. Нов.“	—
53. Марди-гра.	—	—	—
54. Омут.	—	—	—
55. Стрижи	—	—	—
56. Спас на Песках.	—	—	—
57. Горюшн грех.	—	—	—
58. Возвращение.	—	—	—
59. Ведьма.	—	—	—
60. Махровое счастье.	—	—	—

Некоторые рассказы переведены на немецкий язык и напечатаны в немецких журналах.

Ответы на анкету.

1) Всякое художественное произведение есть живой организм, в котором форма не отделима от содержания. Критик должен с этим считаться и давать оценку полную.

2) Что значит „справедливая“ критика? Всякая критика неизбежно субъективна. Критик смотрит через призму своей индивидуальности, и иначе смотреть не может. Все, что требуется от критики, это чтобы она была искренна.

3) Для меня не так. Для меня критика есть встреча душ (писателя и критика). Надо впрочем заметить, что встретиться душам случается довольно редко.

Георгий Песков.

Глеб Струве

Георгий Песков

Называя «магических реалистов» среди зарубежных писателей младшего поколения, Шаршун не упомянул о писателе, к которому эта кличка в каком-то смысле подходила больше всего, — о Георгии Пескове. Под этим игривым псевдонимом (если его расшифровать, то получается перевод имени Жорж Санд, причем фамилию надо читать по-немецки) скрывалась женщина, г-жа Дейша. К Георгию Пескову в передовых литературных кругах отношение было, по-видимому, несколько пренебрежительное: ни в «Числах», ни во «Встречах» имя его ни разу не было упомянуто, и о нем не было речи в послевоенных разговорах о «незамеченном поколении». Отчасти это, может быть, объясняется тем, что Песков стоял в стороне от парижских литературных кругов. Сейчас этот любопытный писатель незаслуженно забыт¹.

Георгий Песков выпустил всего одну книгу рассказов — «Памяти твоей» (1930), в которую вошли рассказы, написанные между 1925 и 1927 годами. Один из них был напечатан в «Современных записках», другие — в газетах. После 1930 года рассказы Пескова продолжали появляться в «Последних новостях», а одна довольно длинная вещь — «Злая вечность» — была напечатана в 1932 году в двух номерах «Современных записок». С середины 30-х годов имя Пескова исчезло из литературы, но автор, насколько известно, до сих пор живет под Парижем; уход его из литературы был добровольным и сознательным актом, продиктованным, по-видимому, религиозными мотивами.

О единственной книге Пескова в зарубежной печати появилось несколько благожелательных отзывов (К. И. Зайцева в «России и славянстве», Ф. А. Степуна в «Современ-

¹ Впрочем, в изданную недавно Издательством имени Чехова, под редакцией В. А. Александровой, книгу «Пестрые рассказы» включен далеко не лучший рассказ Георгия Пескова «Медуза», впервые напечатанный, кажется, в «Последних новостях». Об авторе в книге не сказано ни слова.

ных записках» и др.), но все же этот автор не обратил на себя внимания, которого заслуживал. Ф. А. Степун писал, что в сущности все рассказы Пескова об одном и том же, что «молодой автор... одержим своей темой». Главную тему Пескова Степун при этом определял как «раздвоенность» и уточнял: «встреча внутреннего раздвоения с тем страшным раздвоением русской души, имя которому — большевицкая революция». Слово «одержим», может быть, не совсем подходит к Пескову — для этого Песков пишет слишком спокойно, уравновешенно. И, хотя революция присутствует как фон во многих его рассказах, он не ограничивается революционной тематикой. Сила лучших рассказов Пескова — например, рассказа «Покупательница»² — как раз в той спокойной уравновешенности, с которой рассказывает о вещах таинственных и жутких. Главная тема Пескова — таинственное в мире, присутствие в нем непостижимых простым разумом злых и добрых сил. Это роднит Пескова с Гоголем (но стиль его, простой, деловитый, не похож вовсе на гоголевский), а также с Достоевским и Гофманом. Ф. А. Степун писал:

«...Связанный с Достоевским внутренний мир Пескова мог бы быть глубже сообщен читателю, если бы форма рассказов была заострена теми методами видения и высказывания, которые мы связываем с именем Андрея Белого».

Но, может быть, именно в сочетании реалистического метода (в описаниях, в диалоге) с оккультными, потусторонними мотивами — главная сила Пескова; тем более, что Песков отнюдь не грешит излишним реализмом описаний, и сквозь быт у него всегда просвечивает тайна. Есть у Пескова, как указал Степун, рассказы подлинно религиозные,

² Этот рассказ, между прочим, был включен известным английским писателем Сомерсетом Моэмом (Maugham), одним из лучших мастеров современной новеллы, в антологию, составленную из лучших и наиболее характерных образцов короткого рассказа в мировой литературе.

такие, как «Памяти твоей» и «Валькирия», написанные с большой художественной убедительностью:

*«...в обоих Песков стоял перед заданием очень большой сложности. Описать появление среди оставленных близких расстрелянного священника — и описать, **не превратив чуда в галлюцинацию**, — задача громадная. Пескову она удалась. Рассказ, быть может, мог быть написан сильнее, но я уверен, он не мог быть написан правдивее. К лучшим рассказам принадлежит также и “Валькирия”. Старая немка Брунгильда Карловна, безбожно коверкая русский язык, переводит в трагическую минуту жизни некоему Евгению Ивановичу “один *Grablied*” (“надгробная песня”). И в ее переводе, в ее беспомощных словах слышится орган, чувствуется духовная первореальность мира: смирение, доброта, мудрость».*

Оба отмеченных Степуном рассказа написаны на фоне первых лет революции, как и «Покупательница» — едва ли не самый трагический по сущности рассказ, в котором прекрасно дана и трагическая бытовая обстановка: бывшие люди, распродают свое барахло на Сухаревке. При этом у Пескова есть несомненный дар рассказчика; некоторые его рассказы, пожалуй, даже слишком анекдотичны. «Точка зрения» у него все время меняется: есть рассказы, в которых мир показан глазами детей (правда, не по-детски «мудрых», но это не срыв, а нарочно так), — «Чулан», «Бабушкина смерть», «Шурик»; есть хорошие примеры сказа, без излишней стилизации — «Гонец», «Пробуждение».

«Злая вечность» — наиболее честолюбивая по замыслу из вещей Пескова. С оглядкой на некоторые современные проблемы здесь разрабатывается вослед Достоевскому тема «человекобожества», кирилловского своеволия. При этом герой повести, душевнобольной князь, чем-то неуловимым напоминает Мышкина (действие происходит в эмиграции, но эмигрантский быт лишь слегка намечен в сатирических тонах в сцене разговора князя с служащими на заводе в маленьком французском городке бывшими офицерами). Кроме князя, все главные персонажи — французы. В библиотекаре с лицом хамелеона, в похожем на Вольтера ан-

тикваре, в кукле, в которую влюбляется князь, чувствуется несомненное влияние Гофмана. В целом «Злая вечность» удалась автору меньше, чем его короткие рассказы, особенно развязка, но это интересная неудача.

Примечания

Г. Песков. Злая вечность (Мировая трагедия)

Впервые: *Современные записки*, №№ 48-49, 1932. Публикуется по этому изд. с исправлением ряда некоторых опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Ниже приводится перевод французских фрагментов текста:

С. 8. ...*anciens officiers* – бывшие офицеры.

С. 8. ...*Personne n'aurait dit ça* – Кто бы мог сказать.

С. 8. ...*madame Meterry veuve* – вдовая мадам Метерри.

С. 8. ...*Ah, ici on sait bien ce qui est chic!* – Ах, мы здесь хорошо понимаем, что такое шик!

С. 8. ... *si bien né* – Здесь: такого благородного, знатного.

С. 9. ...*du père Boittot* – папаши Буатто.

С. 12. ...«*Oleg le prédicateur*» – Здесь: «Олег-предсказатель».

С. 12. ...*à toutes ces betises-la* – все эти глупости.

С. 12. ...*homme sérieux* – солидный человек.

С. 12. *Est-ce vrai, monsieur, que vous êtes prince?* – Правда ли, ме-сье, что вы князь?

С. 12. ...*madame la princesse* – мадам княгиней.

С. 14. ...*mutilé de guerre* – инвалид войны.

С. 22. *Bonjour, monsieur!* – Здравствуйте, ме-сье.

С. 28. ...*antiquité* – древность, антикварный предмет.

- С. 29. ...*ancienne habitude* – давняя привычка.
- С. 34. *Ah! ça... ça dépend!* – Ах! это... это зависит!
- С. 40. ...*à demi-laine* – полушерстяные.
- С. 40. *Ce sera trop petit pour vous* – Эти будут для вас слишком малы.
- С. 41. ...*malgré tout* – тем не менее.
- С. 41. *Pas de mal, pas de mal! ... C'est dans la rue de St. Pélérin que vous habitez?* – Ничего страшного, ничего страшного! ... Вы ведь живете на улице Сен-Пелерин?
- С. 43. ...*jour des morts* – День поминовения усопших.
- С. 44. ...*bonne chance* – Здесь: всего хорошего, удачи.
- С. 44. ...*delicieuse* – прелестна.
- С. 51. ...*célèbre écrivain* – знаменитого писателя.
- С. 54. *Viens, mon cocot!* – Здесь: Смелее, мой птенчик!
- С. 54. ...*pour les belles fleurs* – для прекрасных цветов.
- С. 54. *C'est le temps qui fait ça: tout le monde est grippe* – Такое нынче время: все кругом больны гриппом.
- С. 54. ...*tisane* – отвар.
- С. 55. ...*des feuilles d'eucalyptus* – листья эвкалипта.
- С. 56. ...*pour ce prix* – за такую цену.
- С. 62. *Visite nocturne* – Ночной визит.
- С. 62. *Mais voyons* – неужели.
- С. 62. *Charme* – Здесь: Это очаровательно.

С. 62. *Allons* – Здесь: Послушайте.

С. 62. *Voyons, pour en finir* – Ну а теперь, наконец.

С. 64. *Merde!* – Дерьмо!

С. 63. *Tu ne veux donner pas de moi?* – Ты не хотел бы мне заплатить?

С. 65. *Dis donc, tu vas me garder pour la nuit?* – Здесь: Эй, ты хочешь заставить меня ждать всю ночь?

С. 65. *...vois-tu* – видишь ли.

С. 66. *Ah, tant mieux. ... Ça revient au même* – Ах, тем лучше. ... Все одно и то же.

С. 76. «*Sa majesté monsieur le diable*» – «Его величество господин дьявол».

Рецензии на повесть «Злая вечность»

Приведены фрагменты статей П. Пильского «Новая книга “Современных записок”» из газеты *Сегодня* (Рига), 1932, № 34, 3 февраля и № 144, 25 мая (заглавие статьи то же), Г. Адамовича «“Современные записки”. Кн. 48-я. Часть литературная» и «“Современные записки”. Кн. 49-я. Часть литературная» из газеты *Последние новости* (Париж), 1932, № 3977, 11 февраля и № 4089, 2 июня и И. Голенищева-Кутузова «“Современные записки” (книга 48)» из газеты *Возрождение* (Париж), 1932, № 2438, 4 февраля. Фрагменты, написанные и опубликованные в разное время, отделены знаком (* * *).

Г. Песков. Автобиографическая заметка и ответы на анкету

Впервые: *Калифорнийский альманах*. Сан-Франциско (печ. в Харбине), 1934.

«Калифорнийский альманах» предложил писателям ответить на следующие вопросы:

«1. Чего Вы ждете от литературной критики?

а) выявления литературного портрета?

б) критики идейной?

в) критики формы?

2. Как Вы относитесь к строгой и справедливой критике?

Верно ли то, что “умного человека правда не обидит” (Леонов).

3. Разделяете ли Вы взгляд Пушкина на литературную критику?

Пушкин в письме к Бестужеву утверждает, что “критиковать писателя следует только с точки зрения законов, им самим над собой установленными”».

Г. Струве. Георгий Песков

Публикуется по кн.: *Струве Г.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956.

ГЕОРГИЙ ПЕСКОВ

Биографическая справка

Елена Альбертовна Дейша (урожд. Репман), писавшая под псевдонимом «Георгий Песков», родилась в Москве в 1885 году. Ее отцом был доктор медицины Альберт Христианович Репман (1835-1917/18), директор Электро-лечебного института и отдела прикладной физики Политехнического музея, конструктор физических приборов, действительный статский советник. Мать – Юлия Богдановна Репман (урожд. Краусс); известны два ее портрета работы И. Е. Репина, учившегося в Императорской академии художеств вместе со старшим братом А. Х. Репмана.

У Е. А. Репман были две старшие сестры (Евгения и Ольга) и брат Владимир. В 1904 г. Евгения Репман совместно с В. Ф. Федоровой основала 1-ю Московскую кооперативную гимназию («гимназию Е. А. Репман»). Здесь не было процентной нормы для инородцев, практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек, передовые педагогические методы. Среди выпускников гимназии – академик А. Н. Колмогоров и другие видные ученые, писатель Д. Л. Андреев.

После окончания Высших женских курсов в Москве Елена Альбертовна вышла замуж за инженера-гидравлика Адриана Васильевича Дейшу (1886-1952). В 1917 г. у них родился сын Георгий, ставший впоследствии профессором геологии. В 1924 г. А. В. Дейша, профессор Института путей сообщения, был направлен в командировку в Париж; он выехал во Францию со всем семейством и в СССР не вернулся.

По данным В. Казака*, Дейша написала в общей сложности 230 произведений, в основном рассказов. Она публиковалась в журналах «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Звено», газете «Последние новости» и т.д., однако выпустила лишь две книги – сборники «Памяти твоей» (Париж, 1930) и «В рассеянии сущие» (Париж, 1959). Писательница опровергала гипотезу Г. Струве о происхождении ее псевдонима, утверждая, что он был

* См. Казак. В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. London, 1988. С. 391-392.

образован из имени ее сына и названия семейного имения Песочин в Харьковской губернии.

Как указывает В. Казак, прочие «подробности биографии неизвестны, их не удалось выяснить и славистам, состоявшим в переписке с писательницей, пока она была жива. <...> В эмиграции она существовала вне каких-либо группировок и обращала на себя меньше внимания, чем заслуживает ее дарование».

Возможно, этой замкнутостью объясняются различные эмигрантские легенды о Дейше, которую считали, например, падчерицей известной певицы Дейши-Сионицкой. «Георгий Песков — женщина. Падчерица Дейш[и]-Сионицкой, московской известной певицы» — писала А. Даманская. «Муж ее — чернобородый большой инженер пришел однажды в “Посл<едние> Нов<ости>” и отрекомендовался: “Я — муж Георгия Пескова”. Имени-отчества ее редакторы и сотрудники не знают. Человек она весьма странный, богомольный, мистически настроенный. То падает с лестницы, то собаки злые искусывают ее»*.

Е. А. Дейша скончалась 22 декабря 1977 г. в городке Сен-Жермен-ан-Ле под Парижем.

* Из письма Е. Кусковой от 1 августа 1933 г., Париж — Прага. (ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Ед. хр. 154). Опубликовано в статье: Янгиров Р. Тело и отраженный свет: Заметки об эмигрантской женской прозе и о ненаписанной книге Зинаиды Гиппиус «Женщины и женское» // Новое литературное обозрение. 2007. № 86.

Оглавление

<i>Г. Песков. Злая вечность (Мировая трагедия)</i>	5
Приложения	
Рецензии на повесть «Злая вечность»	
<i>Петр Пильский</i>	79
<i>Георгий Адамович</i>	82
<i>Илья Голенищев-Кутузов</i>	84
<i>Г. Песков. Автобиографическая заметка и ответы на анкету «Калифорнийского альманаха»</i>	85
<i>Г. Струве. Георгий Песков</i>	88
П р и м е ч а н и я	93
Г. Песков. Биографическая справка	97

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.